

Сергей
Зверев

ЖИГАН

РУССКАЯ РУЛЕТКА

Жиган

Сергей Зверев

Русская рулетка

«Научная книга»

1999

Зверев С. И.

Русская рулетка / С. И. Зверев — «Научная книга»,
1999 — (Жиган)

Жиган не раз видел страх в глазах противников. Но его лютый враг Хожахмет, убивший родного брата Жигана, не привык бояться. Тем более что он окружен такими отпетыми головорезами, что сквозь их кольцо не прорваться и самому отборному спецназу. Но Хожахмет еще не знает Жигана и его товарищей по оружию, не знает, что отныне Жиган будет счастлив, только увидев страх в его глазах.

© Зверев С. И., 1999

© Научная книга, 1999

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	21
Глава 4	33
Глава 5	39
Глава 6	44
Глава 7	51
Глава 8	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Сергей Зверев

Жиган. Русская рулетка

Глава 1

Старуха в грязном синем халате, рваных ботинках без шнурков, обутых на босу ногу, наглухо закрывавшем голову платке возила мокрой тряпкой по выщербленным ступенькам у входа в подъезд. Стоящее рядом ведро, в которое она то и дело окунала тряпку, намотанную на швабру, было заполнено мутной красно-коричневой жижей.

– Ироды, – в голос ругалась она, – это ж надо столько кровищи... А я убирать должна все это говно... Самим бы в руки эту швабру!..

– Да не шуми ты, Семеновна, – хмуро откликнулся один из жильцов, толпившихся неподалеку. – У тебя работа такая.

– Ну, конечно, работа у меня такая... Засрут весь подъезд, а Семеновне – убирай!..

– Тут Надьку с дочкой из семнадцатой квартиры чуть не убили. Ей еще сорока нет, а она за два часа вся поседела.

– А мне какое дело? Вот пусть бы сама тут все и убирала на радостях.

– Ну и заноза же ты, Семеновна! Тебя бы под эти стволы, да еще гранату в нос.

– Не хрен двери открытыми кидать, чтоб каждый засранец с улицы забежал. Стекла битые сами собирайте, я руки резать не буду. А это чего такое?

Уборщица, наклонившись, вытащила из-под выщербленной ступеньки небольшой продолговатый предмет и поднесла к подслеповатым глазам, чтобы лучше разглядеть.

– Вроде ж подметала... Ой! Батюшки!.. – внезапно заверещала она, в ужасе отшвырнув находку под куст сирени.

– Чего там, Семеновна?

Соседи встревоженно обернулись к уборщице.

– Тьфу ты, прости господи... Палец оторванный, весь синий и ноготь сорванный.

– Это, наверно, у того бандита оторвало, когда граната взорвалась. Как ему вообще голову не снесло?!

– Я б таким, как этот бандюган, сама бы руки-ноги поотрывала, – со злостью выпалила дородная тетка с мохнатой собачонкой на руках. – Уже до чего дошло, в собственной квартире не скроешься!

* * *

Холодные капли редкого дождя, падавшего из мутных ноябрьских туч, скатывались по лакированной поверхности кузова огромного черного автомобиля.

Двое мужчин в широких темных пальто одинакового покроя стояли с зажженными сигаретами в руках у высоко поднятой задней дверцы машины. Хмуро поглядывая на дождливое небо, они торопливо затягивались табачным дымом.

– Паскудство, а не погода, – сипло сказал мужчина, тот, что постарше. – Вроде дождь, а вроде и нет.

– А чего ты, Петрович, хотел? – пожав плечами, отозвался его молодой напарник. – Скоро середина ноября. Обычно в такое время уже снег лежит и морозы под десять-пятнадцать градусов.

– Вот пусть бы снег и лежал и мороз тоже хорошо, хоть земля не раскисает. А то... В такую погоду все болезни на человека накидываются. Особенно, Митька, старикам вроде меня тяжело.

– Какой же ты старик, Петрович? – хмыкнул напарник. – Тебе, кажется, еще и пятидесяти нет.

– Вот доживешь до моих лет – поймешь, каково оно после сорока. Тебе-то самому сколько? Небось двадцати пяти еще не стукнуло?

– Двадцать три, – с гордой улыбкой ответил напарник.

– Вот я и говорю, сопливый еще, – беззлобно заметил Петрович. – Тебе что осень, что зима – все едино, пока здоровье есть. А пожилым в наше время до весны ох как тяжело дожить... Помянешь мои слова – работы в эту зиму будет хоть завались.

– Жмуриков туда-сюда возить? – хохотнул молодой.

– Не жмуриков, дурья твоя башка, а покойников, преставившихся то есть.

– А если он не сам «преставился», как ты выражаешься, Петрович, а грохнули его где-нибудь за углом? Как тогда его называть? Жмурик, он и есть жмурик...

– Чего с тобой говорить? Ни черта ты еще не понимаешь. Не знаешь жизни...

Петрович бросил окурок под ноги, растоптал носком ботинка. Внимательно оглядывая машину, наклонился к заднему бамперу и потрогал новенькую табличку с регистрационными номерами.

– Кончай дымить, – недовольно сказал своему молодому напарнику. – Лучше возьми в «бардачке» плоскогубцы и болты посильнее заверни, а то номера болтаются, как у плохого танцора сам знаешь что.

– Я же возле ГАИ привинчивал, все нормально было.

– А это что? Делай как сказано! Дождешься ты у меня, Митька.

Пока молодой человек занимался номерами, Семен Петрович, зябко подняв воротник пальто и поглубже натянув на уши мохеровую кепку, прошелся вокруг автомобиля.

Машина стояла неподалеку от одноэтажного кирпичного здания с решетками на узких, словно бойницы, окнах. Вывеска над резной дубовой дверью еще блестела свежей краской. Сверху черными буквами было аккуратно выведено: «Последний путь». Чуть пониже, буквами помельче: «Бюро ритуальных услуг». Еще ниже и совсем уж мелко: «ТОО „Триал“».

Территория вокруг здания площадью примерно в полгектара была обнесена забором из тяжеловесного чугунного литья. Кроме кирпичного здания конторы, за забором располагался полукруглый металлический ангар, служивший одновременно складским помещением и производственным корпусом. На чугунном заборе рядом с широкими воротами для въезда на территорию бюро была прикреплена еще одна вывеска: «Венки, памятники, транспорт».

– Готово!

Митька подошел к Петровичу, весело подкидывая на руке пассатижи.

– Точно?

– Можешь сам проверить. С номерами все в ажуре.

– Ладно, – буркнул Семен Петрович, пиная ногой правое переднее колесо машины. – Ты вот еще что, Митька, сходи к парням на склад, возьми насос и подкачай колесо. А то непорядок.

– Да кончай ты, Петрович. – Митька недовольно скривился. – С минуты на минуту жмурика вынесут. А я буду тут бегать, как обосравшись?..

– Делай что старшие говорят, разгвоздяй, – ругнулся Петрович.

От почти неизбежной черной работы Митьку спас неожиданно раздавшийся шум автомобилей. На отдаленную окраинную улочку, где располагалось бюро ритуальных услуг «Последний путь», из-за поворота выехали две милицейские машины: желто-синие «Жигули» и «уазик» защитного цвета.

– О! Уже гаевые едут! – с радостью воскликнул Митька, пряча пассатижи в карман пальто.

– Ладно, – нехотя махнул рукой Петрович, – твое счастье. Только чтоб вечером сделал все как надо.

– Сделаю, не бойсь.

Митька с облегчением вытащил из-за пазухи пачку «Магны».

– Давай, Петрович, еще по одной закурим. Угощаю.

– Я эту прелую солому не курю, – с гордостью отказался напарник от предложенной сигареты. – По мне, так лучше «Примы» ничего нету.

Покуривая каждый свою сигарету, переминаясь с ноги на ногу, они смотрели на подъезжающие милицейские автомобили.

Из остановившихся машин вышли четверо милиционеров: двое в форменных куртках, опоясанные белыми портупьями с жетонами ГАИ на груди, еще двое в обычной серой униформе. Глядя на громадный черный катафалк, они не скрывали своего изумления.

– Вот это хреновина! – сказал один из гаишников, качая головой. – Чего-то я ее раньше в городе не видел.

– Только вчера пригнали, – отозвался Петрович, сплевывая прилипшую к нижней губе табачную крошку. – А утром номера в городской ГАИ получили.

– И сразу на работу? – засмеялся один из милиционеров. – Оперативно...

– Да это шеф все сделал, Юрий Михалыч, – не скрывая удовлетворения, сказал Митька. – Он у нас вообще мужик боевой, энергичный!

– Главное – умный, – поддержал его напарник.

– Это какой Юрий Михалыч? – поинтересовался один из сотрудников ГАИ. – Который на «БМВ»-«семерке» ездит, темно-зеленый металлик?

– Ага, он самый, – кивнул Петрович. – Трошин. Это все его.

– Где же он этот чемодан достал?

– Это не чемодан, а «Кадиллак», – нравоучительно произнес Петрович. – По спецзаказу, из Штатов, на пароме в Ленинград пригнали.

– Нет уже такого города, – поправил его Митька. – Санкт-Петербург он теперь называется, а проще – Питер.

– А мне по фигу. Ленинград так Ленинград, Питер так Питер, – равнодушно отозвался Петрович. – Главное – пригнали, растаможили, документы получили, номера повесили... Наше дело маленькое: гробы возить аккуратно и чтобы все чин чинарем.

– Вовремя подгадали, – засмеялся один из милиционеров, закуривая. – Такого покойника успели зацепить. Да за него ваша контора столько бабок оторвет...

– А кто он такой? – непонимающе пожав плечами, спросил Митька.

– Кто? Михайлишин?

Милиционеры переглянулись и дружно захохотали.

– Ты чего, не местный?..

– Нет, не местный.

– Деревенский, что ли?

– Ну деревенский... – Митька обиженно потупился. – Из деревни Сморчки Запрудненского района.

– Тогда понятно, – резюмировал гаишник и, обращаясь к Петровичу, продолжил: – Что ж ты, старший, молодого не просветил? А то он даже знать не будет, кого повезет.

– А он и не повезет, я повезу, – пробурчал Петрович. – Слишком сопливый еще, чтоб после «хлебной» машины сразу за руль такого красавца сесть. Это ему не батоны по деревенским сельпо развозить.

– Так кто он такой? – нетерпеливо спросил Митька. – Что шишка, я уже понял.

– Степан Трофимович лет этак двадцать в Запрудном первым человеком был. Сначала секретарем горкома, потом председателем горисполкома, потом, перед самой пенсией, в Москву забрали заместителем министра уж и не помню чего. На заслуженный отдых вышел персональным пенсионером союзного значения. Три квартиры у него в Москве было, а вот не загордился, назад в родные места приехал. Жил тихо, мирно, гулять любил в парке возле памятника Ленину. А вот из-за этой погоды простудился, слег и умер. Будь оно все неладно. Вот так, Митька. Жил человек, и нету.

– А ты чего так переживаешь, Петрович? Он что, твой родственник был? Ну, умер так умер, все когда-нибудь там будем. Нам же лучше, заработок есть.

– Да что ты понимаешь, сопляк? Степан Трофимович ого-го какой руководитель был, не чета нынешним. Старой закалки человек, сталинской, в ежовых рукавицах всех держал, никто пикнуть не смел. При нем таких безобразий, как сейчас, не было. Боялись Степана Трофимовича и уважали.

– Да, – согласился милиционер с рябоватым, побитым оспинами лицом. – У нас в горотделе его тоже вспоминают. Заслужил человек, чтобы его на такой машине в последний путь везли.

– Вы еще гроб не видели, – Петрович поднял вверх большой палец. – Ого, вот это гроб! Я за всю жизнь на такой не заработал. Из Германии везли...

– Что, специально для Михайлишина? – недоверчиво спросил рябой милиционер. – Когда ж вы успели?

– Я же говорю, Юрий Михайлович – умный мужик, – нисколько не смущаясь, проговорил водитель «Кадиллака». – У нас все должно быть по высшему разряду. Ежели машина – так настоящий катафалк, а не ржавый «пазик», как в городском комбинате бытового обслуживания. Гроб из красного дерева с медными ручками, а внутри не тюфяк из ваты – настоящая пуховая постель. Я бы в таком гробу жить согласился. Все шелком отделано, крышка из двух половинок, снизу колесики... Не гроб, а произведение искусства. Опять же, цветы у нас свежие, прямо из теплиц. Вы не глядите, что сейчас холодно и такое дерьмо сверху падает. Розы и гвоздики – одна к одной. Вот отвезем во Дворец культуры профсоюзов, весь город увидит, какая у нас фирма. А хоронить, знаете, как будем? Гроб теперь опускают в могилу руками только бедные, а у нас есть специальная машинка, тоже из Германии привезли. Чик-чик-чик, рукоятку крутишь, а гробик так тихонечко вниз... Одно слово – аккуратно. И красиво. Оно, конечно, недешево. Так ведь по-человечески. И никаких пьяных могильщиков, все чистые, выбритые и одеты с иголки. Вы на нас с Митяем поглядите. Во. – Он довольно провел рукой по отвороту. – Новье... Юрий Михайлович не зря столько денег в нашу похоронную контору вбухал, все окупится и прибыль принесет. У нас тут еще очереди стоять будут, чтоб с шиком похоронить.

– Что-то я тебя не пойму, Петрович, – хмыкнул молодой напарник. – То ли ты по сталинским ежовым рукавицам тоскуешь, то ли за капитализм агитируешь?

Милиционеры, прохаживающиеся вокруг черного катафалка, дружно засмеялись.

– А чего ж не агитировать? – без тени смущения отвечивал Петрович. – Мне за это деньги платят.

– Какой же у этого крокодила литраж? – полюбопытствовал один из гаишников, останавливаясь возле капота, украшенного фирменным гербом «Кадиллака».

– Пять и семь, – ответил Митька, горделиво подбоченясь.

– Да не может быть! – не поверил милиционер. – Это ж сколько растаможка должна была стоить?!

– Мы за ценой не постоим, – поддержал молодого коллегу Петрович, словно за катафалк и машинку для опускания в могилу платил из собственного кармана.

– Одно могу сказать точно, – потер физиономию гаишник, – денег на похороны из городской казны не жалеют. Мы-то что, люди подневольные, на государевой службе. Сказали сопровождать машину с гробом, будем сопровождать. Сказали Дворец культуры охранять как зеницу ока, пожалуйста, вот вам патрульные машины вневедомственной охраны. Опять же почетный караул из воинской части прибудет, а вся вот эта хрень, – он постучал рукой по капоту, – да с гробом, да с цветами, да с машинкой... Нам-то что, нам зарплату платят, а вот другим после этих похорон крепко пояса затянуть придется. Так когда там покойника вынесут?

– Да скоро уже, – ответил Петрович. – Надо же было помыть, побрить, приодеть, то да се. А вон гляди, что я сказал, уже несут...

Глава 2

Даже благородный траурный креп не мог скрыть убожества облупленных желто-зеленых стен городского Дворца профсоюзов. Здание, построенное сразу после войны, являло собой маленькую провинциальную копию монументальных творений в стиле сталинского ампира. Непрезентабельные выщербленные ступеньки из мраморной крошки вели к высокой, испещренной многочисленными царапинами дубовой двери.

Посетителю, впервые попавшему в неожиданно просторное, украшенное колоннами и лепниной фойе, непроизвольно хотелось перекреститься. Со всех сторон, даже с потолка, на него словно в православной церкви взирали суровые живописные лики сталевара в каске и румяной, грудастой колхозницы со снопом в руках, комсомольца с горящим взглядом безумных глаз и народного интеллигента, который прикрывался папкой от сурового милиционера, гневно тыкавшего в него пальцем с противоположной стены. Творцами этих размноженных в тысячах экземпляров по всей стране представителей советского общества не были также забыты сугубо положительные дети среднего школьного возраста, о чем свидетельствовали повязанные вокруг их шей пионерские галстуки, мамы со щекастыми младенцами на руках, летчики в авиашлемах, солдаты с автоматами на груди, бдительно охраняющие народный покой, и даже домашние животные, представленные буренками, овечками и хрюшками. Над головой члена профсоюза, посетившего невзначай собственный дворец, висел наглухо застегнутый на все пуговицы пиджака советский человек, который в качестве доказательства своей преданности идеям Ленина и партии двумя руками держал громадный талмуд с надписью «Программа КПСС». При взгляде на этого гражданина снизу казалось, будто он летит навстречу отполированному мраморному полу и, чтобы не разбить физиономию, инстинктивно выставил руки вперед.

Впрочем, могло также показаться, что этот белокурый товарищ арийского типа просто хочет прихлопнуть как тараканов, оказавшихся под ним на свою беду сограждан, и прихлопнуть не чем-нибудь, а судьбоносным документом. Впрочем, советский человек всегда был таков: увидев таракана, швырял всем, что попадалось под руку, будь то «Программа КПСС», алюминиевая миска или шлепанцы.

Был бы дворец побогаче, деньги за его оформление достались бы не художникам, а мастерам резца. Естественным дополнением монументальной лепнины являлись бы, конечно, скульптуры, изображавшие вышеупомянутых персонажей. Но труд ваятелей обозначался в гонорарных ведомостях числами с гораздо большим количеством нулей, нежели труд мастеров кисти. Конечно, городскому начальству, в рядах которого тогда находился молодой, перспективный секретарь горкома по идеологии Михайлишин, очень хотелось установить во дворце хотя бы одну статую – что-нибудь вроде дородной матроны, воплощающей богиню социалистического труда. Но желанию этому не суждено было воплотиться в жизнь из-за нехватки средств. Так и получилось, что в Запрудном и дым оказался пожиже и труба пониже.

Теперь почившему в бозе Степану Трофимовичу Михайлишину пришлось лежать под выцветшим от времени гражданином Страны Советов. Если бы бывший первый секретарь горкома мог открыть глаза, его взгляд уперся бы в милую сердцу, хотя и полинявшую надпись «Программа КПСС».

Наполовину открытый гроб стоял прямо в фойе Дворца культуры профсоюзов. Место не слишком подходящее, но с этим городскому руководству пришлось смириться. Во-первых, дворец оказался единственным в Запрудном общественным местом, которое еще функционировало, не будучи при этом оккупированным вездесущими коммерсантами. В конце концов, не выставлять же для прощания гроб с телом бывшего первого секретаря горкома партии и председателя горисполкома в расположенном неподалеку здании бывшего кинотеатра «Мир»,

где известный в Запрудном бизнесмен Константин Панфилов заканчивал ремонт и готовил к открытию казино «Золотой дукат».

Здание горисполкома тоже не слишком пригодно для проведения похоронных церемоний.

Другое дело, если бы гроб с телом покойного установили на сцене дворцового зала. Однако доски на годами не знавшей ремонта сцене подгнили. Ходить по ним осмеливались только отчаянные сорвиголовы вроде вечно пьяного дворцового столяра Ивана Кузьмича. Ремонт проводить было некогда, и от греха подальше решили поставить гроб в фойе. Тут, по крайней мере, и доступ к телу открыт, и мрамор под ногами. Тесновато, однако вполне прилично.

Гроб окружили венками, живыми цветами, уложили на стульях подушечки с правительственными наградами, стены задрапировали черным крепом, скрыв лица сталеваров и колхозниц. Теперь вместо них на каждого входившего в фойе взирал с большого фотопортрета туповатый, но по-отечески строгий взгляд Степана Трофимовича.

Похороны Михайлишина были намечены на 14.00 следующего дня. С десяти утра открывался доступ к телу бывшего городского руководителя для всех желающих проститься с ним. Об этом извещало объявление в траурной рамке, вывешенное на стене Дворца профсоюзов.

В два часа пополудни во дворце должны были собраться нынешние руководители города и представители властей соседних районов. Председатель горисполкома Иван Данилович Кинелев заручился также обещаниями приехать на траурную церемонию и нескольких чиновников из областного руководства. Городскому управлению внутренних дел было поручено обеспечить порядок в городе. Начальник отдела внутренних дел полковник Сапронов распорядился выставить во дворце охрану и увеличить количество нарядов вневедомственной охраны в районе Дворца профсоюзов.

На Запрудный опускалась стылая, беззвездная ноябрьская ночь.

* * *

«Уазик» защитного цвета с надписью на дверце, обозначавшей его принадлежность к отделу вневедомственной охраны, медленно пересек по диагонали небольшую площадь перед Дворцом культуры профсоюзов и остановился на тротуаре за ближайшим перекрестком.

– Вот тут и постоим, – сказал сидевший за рулем сержант с рябоватым некрасивым лицом. – Покурим, погреемся. Доставай, Панков, свои. А то у меня уже кончились.

Его напарник с лычками младшего сержанта на погонах неохотно полез в карман и достал «Яву».

– Слышь, Лепехин, все равно на машине, давай к ларьку какому-нибудь стоняем, сигаретами разживешься.

– Да не жмись ты! У вас в деревне что, все такие куркули, как ты?

Пока напарник с натугой шевелил мозгами, не зная, что ответить, милиционер-водитель резво выдернул у него из пачки сигарету.

– В большой семье не щелкай клювом, – засмеялся он, прикуривая от собственной зажигалки и протягивая ее Панкову. – Ну, что надулся, как мышь на воду?

– Какая мышь?

– Это так говорят, Панков.

Сержант с наслаждением затянулся и выпустил струйку дыма в щель приоткрытого окна.

– Что, не понимаешь? Ну, вроде как набычился...

– Набычишься тут... Ты у меня вечно сигареты стреляешь.

– Что же мне каждый раз, когда сигареты кончаются, сразу в ларек бежать? А плечо друга зачем?

- Не плечо, а карман, – кисло протянул Панков.
- Какая разница?
- Большая.
- Что это за друг, который сигаретой пожертвовать не может? Как же ты меня в бою защищать будешь?
- Ну и шутки у тебя, Лепехин. В каком еще бою?
- А пистолет тебе для чего дали?
- Так, на всякий случай.
- Вот представь себе, что этот самый случай произошел. Вместо того, чтоб друга защищать, ты будешь думать: патронов жалко, защищать не буду.
- Панков от неожиданности чуть не поперхнулся.
- Ну ты дал, Лепехин. Как это я буду думать, что мне патронов жалко? Это ж совсем другое.
- Ничего я не дал, – полушутя-полусерьезно сказал Лепехин. – Все великое начинается с мелочей. Сегодня ты зажал курево, а завтра...
- Чего завтра, чего завтра?.. – обиженно заерзал младший сержант. – До завтра еще дожить надо.
- Во-во...
- Панков обиженно отвернулся к запотевшему окну, и Лепехин, поняв, что слегка переборщил, перевел разговор на другую тему.
- Панков, ты про писателя слышал?
- Какого еще писателя?
- Да у нас в горотделе один писатель появился, усцаться можно.
- Он чего, корреспондент? – не понял Панков.
- Да нет. Какой корреспондент?.. Говорю же тебе – писатель. Натуральный. Ему б книжки писать, а он следователем работает. Недавно к нам пришел... Я сегодня после развода с операми болтал, они и рассказали. Умора!
- Слышь, Лепехин, – выбрасывая окурок в окно, сказал младший сержант, – ты, может, это, мотор выключи. А то чего бензин зря палить?
- Ну ты жмот, Панков. Государственного бензина жалко? А нам что, мерзнуть тут?
- Так гремит же все в кабине.
- Ну и что?
- Этот гроб еще десять лет назад нужно было списать. А ты орешь как кот с отрезанными яйцами.
- Кто-о, я-а-а ору? – возмущенно протянул Лепехин. – Да ты чего-о? Я всегда так разговариваю. А что машина старая... Так где ж новую возьмешь? Скажи спасибо, что эта еще ездит. Таскались бы на своих двоих как бараны... Ты, Панков, звезды, да не заговаривайся.
- Ладно-ладно, – примирительно сказал младший сержант и даже протянул Лепехину еще одну сигарету взамен выкуренной. – Чего ты там про писателя хотел рассказать?
- А!.. – обрадованно чиркнул зажигалкой водитель. – Короче, пришел молодой после академии. Лейтеха.
- Как фамилия?
- Да не помню я. У меня на фамилии память плохая. Иванов или Петров. Какая разница? Панков, ты меня не сбивай, – неожиданно разозлился он. – А то вообще все забуду. Короче, к нему теперь весь горотдел бежит. Он такие отписки сочиняет для прокуратуры, закачаешься!
- Какие отписки?
- Ну, отказы в возбуждении уголовного дела. У следователей сразу раскрываемость повысилась. А это же не хухры-мухры... За это премии положены, звездочки на погоны. Одним словом – статистика, Панков.

– Как же у них раскрываемость повысилась?

– Ты чего, тупой, Панков? Я же тебе говорю – статистика. Раскрываемость остается той же самой, а уголовных дел меньше заведено, проценты-то растут.

– И что же там молодой сочиняет?

– Фантазия у него работает будь здоров. На прошлой неделе поехали опера по вызову в какую-то деревню, тут недалеко, километров двадцать. Приезжают, значит, на какой-то двор, там мужик-заявитель. Мол, так и так, борова из сарая скоммуниздили ночью. Они, конечно, начинают расспрашивать, что да как. У мужика морда синяя, опухшая, не брился, видно, месяц. Щетина в разные стороны торчит. Короче, поддавальщик еще тот. Вечером с соседом самогонки нарубился по радостному случаю: жена с дочкой во Владимирскую область к родственникам на побывку съехала. В общем, пару бутылок самогона они с соседом приговорили. Потом сосед к себе потащился, а этот спать залег. Ночью, как водится, ни хрена не слышал. С утра кое-как проспался, пошел в сарай, а борова-то и нет. Уперли. Мужик – к соседу, а тот после вчерашнего лыка не вяжет. Конечно, ни хрена не видал, не слышал... С горя опять самогона приняли. В общем, пока он из конторы по 02 прозвонился, уже день прошел. Куда там эту свинью искать? Ее уже на запчасти разобрали как пить дать. И свидетелей никаких, там все кругом забуддыги, если кто и видел, так не вспомнит. А вспомнит, так не скажет. В общем, дело мертвое. Стопроцентный висяк обеспечен, на нем ни звездочек, ни премий не заработаешь. Только статистику испортит, а за это по головке не погладят. После того, что тут летом творилось, начальство на рогах стоит.

– Так я не понял, – пожал плечами Панков. – Что за проблема? Послали бы на хрен этого алкаша с его свиньей, развернулись и уехали.

– Ха! – усмехнулся Лепехин. – Проблема была. Алкаш-то заяву наката. Вообще, я так думаю, что это он не сам наката, а кто-нибудь за него в колхозной конторе, да еще бутылку самогонки на этом заработал. Заява-то есть, понимаешь? Пришлось бумагу эту взять и назад тащиться. Вот тут писатель и помог. Узнал, в чем дело, и говорит: «А чего вы мучаетесь, мужики? Сейчас такую бумагу накачаем, комар носа не подточит». И наката, да такую, что прокурор плакал от смеха, когда читал, но подмахнул.

– Чего же он там написал?

– Я, конечно, точно не знаю, но смысл такой, – Лепехин выбросил в окно очередной окурок и, потирая руки, продолжил: – По показаниям соседей, во время проведенного опроса, свинья последнее время вечно орала. Голодная, видно, была. Этот алкаш ее не кормил, или что там. Ну и типа, значит, соседи эти слышали доносившиеся со двора крики хозяина: я тебя, мол, убью, падла, если не перестанешь орать. Ну или чего-то в этом роде... А вывод такой: свинья, испугавшись угроз и в страхе за свою жизнь, сбежала, о чем свидетельствуют следы под забором, а, значит, оснований для возбуждения уголовного дела нет. Пускай теперь этот бухарь сам свою свинью по лесам ищет.

Лепехин, откинувшись на спинку сиденья, зашелся веселым детским смехом.

Его напарник недоверчиво скривил губы:

– И что, прокурор такую хуйню подмахнул?

– Конечно, подмахнул! – хлопая себя ладонью по колену, воскликнул Лепехин. – А куда он денется? Думаешь, ему охота у себя в кабинете папки со всяким говном собирать, а потом еще отчитываться о проделанной работе. На хрен надо!.. Давай еще сигарету.

Но Панков неожиданно уперся. Рассказ напарника не произвел на него никакого впечатления, ему, вообще, показалось, что все это Лепехин придумал только для того, чтобы выцыганить у него побольше курева.

– Поехали к ларьку. Пока ты мне тут про писателя баки забивал, у меня сигареты кончились.

– Ты что, не веришь? – отжимая сцепление и включая первую передачу, спросил старший сержант.

– Херня какая-то, – Панков с помрачневшим видом мял в руках пустую пачку из-под сигарет. – Мужик свинье угрожал, она от страха сбежала... Кто ж это в деревне свинье угрожать будет, она ж – домашняя скотина!

Машина медленно выехала на проезжую часть улицы и двинулась в направлении городского рынка, где располагались несколько ларьков, работающих круглосуточно.

Улица в этот унылый ночной час была пугающе пустынной, лишь две неясно вырисовывающиеся в свете тусклых фонарей мужские фигуры маячили вдалеке на тротуаре.

– Панков, ты что, мне не веришь? – завелся старший сержант. – Ты чего, думаешь, я все наврал?!

– А ты думаешь, если я из деревни, так мне можно лапшу на уши вешать? – раздраженно отозвался Панков, всматриваясь в полутемные силуэты за окном. – Вон, два мужика идут. Ты бы им попробовал такую херню рассказать.

– А что? И расскажу! – живо воскликнул Лепехин.

– Ладно тебе, поехали к ларькам.

– Нет, вот давай поспорим, – разгорячился водитель, – если они не поверят, я бутылку водки поставлю, вместе разопьем после дежурства.

– Знаю я тебя, сам все и выпьешь.

– Нет, сейчас мы проверим.

Милицейский «уазик» свернул на встречную полосу, чтобы приблизиться к двум шедшим по противоположной стороне тротуара прохожим.

Одетые в неприметные, почти одинаковые серые куртки, с натянутыми на голову вязаными шапочками, они несли в руках объемистые клеенчатые сумки, широко известные в народе под названием «мечта оккупанта». При виде направляющейся к ним милицейской машины оба втянули головы в плечи и ускорили шаг.

Их поведение должно было показаться Панкову и Лепехину подозрительным, не будь милиционеры так озабочены возникшим между ними спором.

Когда расстояние между «уазиком» и двумя прохожими уменьшилось метров до двадцати пяти, мужчины с сумками внезапно остановились.

– Чего это они? – спросил Панков.

– Сейчас узнаем, – ответил Лепехин, сбрасывая газ.

Один из мужчин нагнулся, быстрым движением расстегнул замок на полосатой клеенчатой сумке, выхватил оттуда короткоствольный автомат, передернул затвор и, не разгибаясь, тут же выпустил длинную очередь по притормаживающей милицейской машине.

Звуки выстрелов разорвали ночную тишину. Пули из укороченного «калашников» вдребезги разнесли лобовое стекло «уазика», одна зацепила включенную левую фару. Осколки стекла брызнули в разные стороны. К счастью для милиционеров, ни одна из предназначенных для них пуль не попала в цель, лишь острый осколок чиркнул по щеке Лепехина.

– Тормози! – истошно завопил Панков, резко перегнувшись пополам.

Визг тормозов слился со звуками еще одной автоматной очереди. На сей раз пули прошли ниже, с холодящим сердце металлическим звуком пробив радиатор, крыло и дверцу машины.

– А-а-а! – закричал Панков. – Ногу! Ногу мне зацепило!..

Лепехин, распахнув дверцу, вывалился из машины на асфальт. При этом он сильно ушиб плечо, но, не обращая внимания на боль и даже не замечая, что из рассеченной щеки льется кровь, старший сержант выдернул из кобуры табельный «макаров», дрожащими в горячке руками передернул затвор, снял оружие с предохранителя и открыл огонь.

Меткостью стрельбы в такой обстановке похвастаться было трудно, тем более что старший сержант Лепехин даже на тренировках в тире большинство пуль отправлял в «молоко», за

что ему неоднократно приходилось выслушивать многоэтажный мат инструктора. Однако даже нескольких пролетевших в стороне девятимиллиметровых пуль из «пээмки» хватило, чтобы нападавший на несколько мгновений прекратил стрельбу из «калашникова».

Воспользовавшись секундной паузой, старший патрульного наряда повернул голову к машине и закричал:

– Панков, подмогу вызывай, бля!

Его напарник не отвечал.

– Панков! Ты живой там? – снова завопил Лепехин.

В ответ из машины донесся сдавленный стон.

Следом за ним раздалась еще одна автоматная очередь, перемежаемая частыми пистолетными хлопками. Это стрелял второй преступник, доставший из-под куртки пистолет «ТТ». Пули зацелкали по асфальту, высекая искры буквально в полуметре от лежащего милиционера.

Лепехин инстинктивно сжался, обхватив голову рукой, и наугад выпустил остатки обоймы в сторону противника.

Стрельба снова на мгновение прекратилась. Все так же не поднимая головы, старший сержант Лепехин начал отползать к машине. Он еще не видел, что последняя из выпущенных им пуль зацепила стрелку с автоматом. Раненый закричал, выронил оружие и упал на свою клеенчатую сумку. Второй стреляющий тут же прекратил огонь из пистолета и, не выпуская из рук «ТТ», склонился над раненым.

– Эй, Весло! Что с тобой? Ты чего, ранен?

В ответ раздалась перемежаемая хрипом и матерной бранью слова:

– Плечо... Мент поганый... Сука... Помоги, братан... – Он вскрикнул, когда сообщник схватил его под руку. – Не тут, Клим, ниже! А-а-а, бля!..

Так и не сумев подняться, он завалился на спину, увлекая за собой напарника, который, потеряв равновесие, упал на асфальт рядом с ним.

Воспользовавшись временной передышкой, Лепехин приподнялся на коленях и нырнул в машину.

Панков лежал на боку, зажимая правое бедро, под пальцами на униформе растекалось темное пятно. Кровью уже было испачкано сиденье, под которым валялась упавшая с головы младшего сержанта шапка. Глаза Панкова были закрыты, губы плотно сжаты, на лице выступили крупные капли пота.

Лепехин схватил микрофон рации и что было сил закричал:

– Первый, Первый! Я – Четвертый! Высылайте подмогу! Панков ранен!

– Я – Первый, – донеслось из рации. – Слышу вас, доложите по форме.

– Какая форма? Е... вашу мать! Нас обстреляли из автомата! Меня самого сейчас пришьют... – Лепехин на мгновение поднял голову и выглянул в разбитое лобовое стекло «уазика».

Ему тут же пришлось пожалеть об этом.

Прогремела автоматная очередь, и несколько пуль с отвратительным металлическим скрежетом прошли распахнутую дверцу машины. Задело и боковое стекло, которое раскололось на несколько крупных осколков.

Лепехин, не понимая, что делает, рванулся в сторону да так, что снова оказался на асфальте. В одной руке у него был пистолет с пустой обоймой, в другой – микрофон рации с обрывком шнура. В сердцах отшвырнув его в сторону и беспрерывно матерясь, Лепехин стал заползать под машину. Он извивался, как змея, стараясь поскорее покинуть обстреливаемое пространство. Лишь оказавшись под днищем «уазика», Лепехин смог перевести дыхание.

– Ну, где они там, бля?... – бормотал он, надеясь услышать завывание милицейских сирен.

Однако на улице было тихо, если не считать обрывков слов, доносившихся со стороны преступников.

– Весло, погоди, я сейчас.

– Уй, бля, больно же!..

Раненый бандит неподвижно лежал на спине, время от времени оглашая воздух громкими ругательствами и бранью в адрес своего неловкого напарника:

– Убери клешни, олень! Я сам...

– Как знаешь, Весло...

Напарник раненого, отзывавшийся на прозвище «Клим», в это время перезаряжал подбренный автомат. Запасной магазин он вытащил из расстегнутой клеенчатой сумки. Клацнув затвором, поднял автомат на вытянутой руке и, не целясь, дал очередь по милицейской машине.

Над ухом старшего сержанта Лепехина раздался грохот лопнувшей шины: пуля угодила в колесо. Воздух со свистом вырвался из продырявленного протектора.

Из-за шума Лепехин не слышал, как в машине надрывалась рация:

– Четвертый, Четвертый! Я – Первый! Высылаем помощь!

Один за другим вспыхивали огни в окнах окружающих домов, отдергивались занавески, высовывались лица беспечно-любопытных граждан. Их не пугало, что свистели шальные пули, каждая из которых могла рикошетом залететь в окно. Наблюдавшие за перестрелкой не сомневались, что это будет окно соседа.

Из своего укрытия старший сержант Лепехин не мог видеть противников, их закрывало колесо с лопнувшей шиной. Поэтому, зарядив свой «макаров» второй обоймой, он был вынужден высунуться наружу. Это едва не стоило ему жизни. Вначале он увидел над головой искры от пуль, врезавших по бамперу, и лишь какую-то долю секунды спустя услышал треск автоматной очереди.

Лепехин с такой скоростью опустил голову, что впечатался лицом в асфальт. Теперь кровь текла не только из расцарапанной осколком стекла щеки, но и из разбитого носа.

– Уй, бля!.. – взвыл милиционер, с огромным трудом поднимая окровавленную физиономию. – Ты, падла, за это ответишь...

Внезапно из-за ближайшего перекрестка, сверкая включенными фарами и мигалкой, выскочили, завывая сиренами, два милицейских «лунохода», похожих, как братья-близнецы, на «уазик» Лепехина.

Услышав так горячо ожидаемые им звуки, Лепехин провел ладонью по верхней губе, размазал кровь по всему лицу и с кривой гримасой, отдаленно напоминавшей улыбку, пробормотал:

– Ну, бля, теперь вам п...ц!

Однако, судя по тому, что произошло, Клим думал иначе. Торопливо сунув бесполезный «ТТ» в наружный карман куртки, он стал поливать из автомата приближающиеся автомобили. Выпустив за несколько секунд весь рожок, Клим подхватил раскрытую сумку и бросился бежать по улице. О своем раненом напарнике он словно забыл.

Тот, беспомощно валяясь на земле, прокричал ему вслед:

– Стой, пес! Куда?

Некоторое время Клим бежал не оборачиваясь. Бег его нельзя было назвать стремительным, мешала, судя по всему, тяжело нагруженная сумка. Отдалившись буквально на десять метров от своего раненого напарника, он вдруг остановился, склонился над сумкой, и запустив туда обе руки, положил автомат рядом на асфальт.

Хотя ни одна из пуль, выпущенных Климом по приближающимся милицейским машинам, не попала в цель, поразив лишь пару деревьев, стрелял он не зря.

«Луноходы» резко затормозили, остановившись в полусотне метров от «уазика» старшего сержанта Лепехина. Из машин выскочили шесть человек в милицейском камуфляже и бронежилетах, вооруженные такими же короткоствольными автоматами, как и бандиты. Без

всякой команды они немедленно открыли стрельбу, впрочем, столь же беспорядочную, как и с противоположной стороны. Пули веером летали над головой Клима, не причиняя ему никакого вреда. Он же тем временем что-то торопливо доставал из сумки, распахивая по карманам.

Однако милицейский огонь с каждым мгновением становился все прицельнее. Несколько пуль тренькнуло по асфальту в шаге от бандита.

Клим подхватил с асфальта автомат и, на ходу вытащив из сумки два автоматных рожка, бросился бежать налегке. Он перезарядил свой «калашников», отбросил в сторону пустой магазин и, обернувшись лицом к преследователям, дал по ним пару коротких очередей.

– Ну че, ментовые вонючее?.. – весело закричал он. – Схавали?

В тот момент, когда он обернулся, намереваясь налегке уйти от погони, его ожидал неприятный сюрприз: пуля угодила в левую лодыжку. Хотя из короткоствольного автомата Калашникова, который иногда презрительно называют «пукалкой», трудно вести прицельный огонь по причине исключительно низкой кучности боя, одному из милиционеров удалось-таки подстрелить Клима. Количество израсходованных патронов все-таки переросло в качество.

Не обошлось и без иных неожиданностей: десятка два пуль, выпущенных преследователями, рикошетом от асфальта ушли в стены ближайших домов, раздался звон разбитых стекол. В окнах стали мгновенно гаснуть огни, исчезать лица разбуженных обывателей.

Клим, словно споткнувшись, упал на асфальт и растянулся во всю длину тела. Автомат и еще один запасной магазин вылетели из его рук, подпрыгивая по мостовой с металлическим звуком.

– Суки... – прохрипел Клим. Провел рукой по сведенной болью лодыжке и в свете фонаря увидел на ладони размазанную кровавую кляксу. – Думаете – все?.. Натё, отсосите!.. Это дело у вас не прохезает...

Кривясь от боли, он еще раз ощупал ногу и, убедившись в том, что кость не задета, зло рассмеялся:

– Хрена вам, падлы...

Сунув руку в карман куртки, Клим вытащил «лимонку» и зубами выдернул из гранаты кольцо. Выплюнув его, приподнялся на колене и как пионер-герой бросил гранату в приближающихся врагов.

– Натё, похавайте!..

Граната пролетела метров пятьдесят, прежде чем взорваться. Сказались многочисленные тренировки на зоне, где Клим когда-то тянул срок. Там его высоко ценили как мастера «перебросного» жанра. Корефаны с воли навевались к ограде колонии по несколько раз в месяц, а то и чаще. На территорию зоны через запретку, включавшую в себя несколько деревянных и кирпичных заборов, а также рядов колючей проволоки, забрасывались вместе с увесистым камнем: «индюшка» (чай), «дым» (папиросы или сигареты), «хавло» (водка), «план» (анаша), «лавэ», они же «филки», они же «воздух» (деньги), «ксивы» и «малявы» (письма и записки). Таким же макаром из зоны на волю отправляли деньги и корреспонденцию, а также разнообразную продукцию зековского самопального производства: ножи с наборными ручками из цветной пластмассы, нательные кресты из бронзы и латуни, «шайбы» (перстни) из алюминия или стали. Так что рука у Клима была хорошо тренированной.

Глаза преследователей полоснула яркая вспышка, одновременно с ней раздался оглушительный грохот взрыва, засвистели, застучали по стенам домов, оконным рамам и фонарным столбам, припаркованным машинам крупные и мелкие осколки. Опять со звоном брызнули выбитые стекла, лопнули и зашипели, исходя воздухом, шины, покачнулись от взрывной волны сиротливо оголившись деревья.

Милицейская погоня остановилась. Осколком разорвавшейся «лимонки» был ранен в плечо один из преследователей. Он скорчился на холодной мостовой. Ему на помощь тут же бросились двое милиционеров, которые, закинув на спину автоматы, потащили раненого в

машину. Взревел мотор «уазика», автомобиль развернулся и со включенной мигалкой и воем сирены помчался в направлении городской больницы.

Теперь вооруженному бандиту противостояли лишь трое бойцов в камуфляжной униформе, если не считать старшего сержанта Лепехина, который, на свою беду, оказался слишком близко от того места, где разорвалась граната. Впрочем, можно сказать, ему повезло: ни один из осколков, ударивших по корпусу уже изрядно пострадавшего «уазика», не задел Лепехина. Старший сержант получил лишь контузию, на несколько мгновений потеряв сознание. Придя в себя, он почувствовал ужасную головную боль и звон в ушах, перемежавшийся с каким-то гулом, по правой щеке стекала теплая, липкая жидкость. Ощутив во рту противный металлический привкус, Лепехин шевельнул губами, и лицо его перекосила гримаса боли. К расцарапанной щеке, сбитому носу и лопнувшей барабанной перепонке добавился еще прокушенный язык.

С трудом обернувшись, Лепехин заметил лежащих позади его машины бойцов в милиционном камуфляже с автоматами. Приподняв руку, крикнул:

– Помогите!

А может быть, ему только показалось, что он крикнул, потому что никаких иных звуков, кроме звона и гула в ушах, не слышал. После этого силы покинули старшего сержанта Лепехина, он уткнулся щекой в асфальт и затих.

Один из милиционеров подполз к Лепехину и приложил два пальца с разодранными до крови суставами к тому месту на шее, где располагается яремная вена. Остальные, прикрывая коллегу, дали несколько коротких автоматных очередей по бандиту, укрывшемуся за деревом.

В ответ Клим выставил из-за ствола толстой высокой липы руку с автоматом и шарахнул наугад по улице. Патроны в магазине кончились, и он стал менять рожок.

Возникло непродолжительное затишье.

– Ну, что там?

– Пульс нормальный, жив, – откликнулся милиционер, осматривавший Лепехина. – Ранен только или контужен...

– Там, кажись, второй в машине лежит.

– Сейчас гляну. Вы этого от домов отсекайте, чтоб не сбежал.

– Не бойсь, не уйдет. Скоро еще наши из ОМОНа подгребут!

Боец в камуфляже быстро выбрался из-под покореженного «уазика», нырнул в кабину и осмотрел Панкова, который едва слышно стонал.

– Ты, паря, живой?

– Угу, – сквозь зубы произнес Панков.

– Куда ранен, в ногу?

– Угу.

– Ничего, потерпи! Скоро все кончится.

Еще одна очередь прогремела из-за дерева, за которым скрывался Клим. Пули ударили по асфальту и рикошетом разлетелись в разные стороны.

– Что, суки?.. – донесся радостный крик бандита. – Вы у меня землю будете хавать! Очко-то не железное, играет?

– Вот паскуда!.. – выругался один из милиционеров. – Головы не дает поднять, да еще и горланит.

– Небось наширлся, – отозвался напарник. – Ему сейчас все по х...

Милиционер, осматривающий Панкова, выглянул из-за разбитого лобового стекла машины и увидел человека в гражданской одежде, который неподвижно лежал на асфальте метрах в двадцати перед машиной.

– Слышь, парень? – осторожно тронул он Панкова за плечо. – А кто это там валяется? Прохожего, что ли, зацепили?.. И сумка рядом...

– Не знаю, – через силу выговорил Панков. – Их двое было с сумками, когда мы подъезжали, один из сумки автомат достал, по нам как врезал...

– Понял, – кивнул боец. – Ладно, ты потерпи.

Он вынырнул из машины и ползком подобрался к раненому бандиту со странной погонялой – Весло.

Перестрелка между двумя омоновцами и Климом возобновилась и шла в вялотекущем темпе: на пару милицейских очередей Клим отвечал одной. Если бы не раненая нога, он бы рванул по улице, не выбирая маршрута. Но сейчас, отстреливаясь, он пытался выгадать время, чтобы сообразить, как поступить дальше. Однако время работало не на него, каждая секунда затяжки грозила встречей с разъяренными омоновцами, к которым в последнее время прочно прилипло прозвище, данное им каким-то остряком-самоучкой, – «гоблины». Чем злой гoblin с палкой-демократизатором, так уж лучше сразу «в Сочи» отправиться – эти будут месить так, что зоновская «заглушка» покажется легким массажем.

Так и не придумав ничего путного, Клим решил рвануть за угол, добраться по дворам до соседней улицы, где нет ментов, и попробовать остановить какую-нибудь тачку. Только так он мог вырваться из города.

Необходимо было преодолеть по открытому пространству не больше двадцати метров. Там, за углом, он мог чувствовать себя спокойнее. Казалось бы, что такое двадцать метров? Но это лишь на здоровых ногах три секунды бега... А когда у тебя в лодыжке сидит пуля калибра 7,62 миллиметра? Была бы с собой хоть чекушка водки: винтом внутрь заглотил, и все дела. Гоблины-то думают, он наширлся.

Но в этот вечер Клим был трезвым как стеклышко. Такое нечасто случалось в его сознательной жизни. А все дело в том, что ему и его корефану по кличке Весло, нужно было выполнить один важный заказ – всего-то пара часов работы, а после этого филки, шалавы, море водяры – гуляй, душа, отрывайся. Да вот менты поганые всю малину обосрали. Попробуй под автоматным огнем с раненой ногой пробежать двадцать метров. Два шага – и ты жмурик. А жить-то хочется...

Клим сунул руку в карман куртки, ощупал содержимое: две «лимонки» и две гранаты «РГД-5». В другом кармане родной «ТТ» и пара обойм, в «калашникове» еще полрожка. Автомат хоть и небольшой, но при таких условиях обуза, помешает бежать. Ладно, решено...

Клим перекинул «аксушку» в левую руку, достал из кармана гранату «РГД-5» и, стараясь не нагружать раненую ногу, поднялся, опершись спиной о ствол дерева. Выдернув зубами кольцо с предохранительной чекой, на мгновение выглянул из-за дерева. То, что он увидел, заставило его замереть в оцепенении. Двое ментов подобрались к раненому Веслу и, подхватив его под руки, на четвереньках оттащивали в сторону своего «лунохода», третий прижался к стене дома и, заметив высунувшуюся из-за дерева физиономию Клима, выпустил в него длинную автоматную очередь.

Пули, словно рой разъяренных пчел, с жужжанием просвистели мимо, но Клим даже не обратил на них внимания. Его подстреленного корешка тащили под руки мусора. Да что же это такое творится?!

Чуть взвесив на руке гранату, как он делал в моменты особо ответственных перебросов, Клим прищурился и почти без замаха, от локтя, метнул гранату прямо в спины ненавистных конторщиков. Он не думал в этот момент, что могут убить его самого, что при взрыве может пострадать его корешок, всю свою злобу и ненависть к жабам-мусорилам вложил он в бросок.

Граната, перелетев через головы милиционеров, тащивших Весло под руки, упала в метре перед ними. До взрыва оставались доли секунды.

– Ложись! – успел выкрикнуть один из омоновцев и кинулся в сторону, закрывая голову руками.

Второй не успел отреагировать так быстро и лишь инстинктивно поднял руку, закрывая лицо.

От смерти его спас бронежилет. Не обошлось и без известной доли везения: когда граната рванула, осколки, летевшие в голову, приняла на себя рука. Кость перебило в двух местах, несколько осколков ударили по ногам, остальные пришили по бронежилету.

Омоновец, успевший растянуться на асфальте, отделался ушибами и легкими ранениями мягких тканей плечевого пояса.

Весло был убит наповал. Ему достался лишь небольшой осколок, попавший волею случая в глазную впадину. Кусочек раскаленного железа как нож сквозь масло прошел через глазное яблоко и превратил половину мозга в красно-серую кашу.

Но его кореш Клим об этом не знал. В данный момент он, сильно припадая на раненую ногу, бежал в ближайший двор. Вслед ему застрекотала запоздалая автоматная очередь, но бандит уже успел скрыться за углом, оставляя за собой на асфальте цепочку кровавых пятен.

Единственный из омоновцев, уцелевший в схватке, чертыхаясь на ходу, бросился к раненым. Убедившись, что все, кроме захваченного в плен бандита, живы, побежал к машине. Передав по рации обстановку и запросив дополнительной помощи, сообщил, что продолжает преследование.

Глава 3

Клим бежал, сжимая в руках автомат. Лицо его было покрыто крупными каплями пота. Рана болела все нестерпимее, он уже почти не мог ступать на правую ногу, и бег замедлился, превратившись спустя некоторое время в передвижение мелкими шагами.

Больше всего Климу хотелось сесть на какую-нибудь скамейку и покурить, но сейчас это было бы слишком опасно. Во-первых, где-то на хвосте висела погоня. Во-вторых, и Клим это хорошо понимал, если сядет, уже не сможет подняться. Сердце заходило в бешеном стуке, губы пересохли, перед глазами поплыли цветные круги.

Клим находился в проходном дворе жилого дома, и до желанной цели – плохо освещенной улицы, по которой проехали сразу несколько автомобилей, – оставалось еще метров сто.

Он даже схватился рукой за раненую ногу, помогая себе при ходьбе. Мешал идти чертов «калашников». Но Клим не мог бросить оружие, в котором оставалось еще полмагазина патронов. Кто знает, что ждет его впереди?

Словно в подтверждение худших опасений Клим, со стороны улицы, к которой он так стремился прорваться, раздался вой сирен.

– Твою мать!.. – выругался Клим. – Менты...

В поисках спасения он стал затравленно оглядываться по сторонам. Сзади, в свете уличного фонаря, мелькнул силуэт человека в униформе.

«Обложили, гады легавые, – мелькнуло в затуманенном болью и страхом мозгу. – Шибес вам, крысоловы! Не закоцаете! Я еще живой...»

Он увидел свет в окне квартиры первого этажа в ближайшем к нему подъезде и почти без раздумий рванул туда.

Эх, если бы не раненая нога, он давно оторвался бы от преследователей и ушел дворами. В крайнем случае мог бы схорониться где-нибудь в подвале, разгрузить карманы от хлопушек и свалить, дождавшись удобного момента. А так, найдут стопари красные, по кровавым следам найдут...

Оставался только один выход.

Подскакивая на раненой ноге и непрерывно матерясь, Клим преодолел несколько ступенек, которые вели к лестничной площадке первого этажа и позвонил в дверь, обитую рваным, облезшим дерматином.

Несколько мгновений никто не отзывался.

– Ну, где вы там? – сквозь зубы шипел Клим. – Открывайте, падлы!

Он снова и снова нажимал на кнопку звонка, пока наконец из-за двери не донесся перепуганный женский голос:

– Кто там?

– Свои, мать, – прохрипел Клим.

– Какие свои? У нас все свои уже дома.

– Открывай, сучье вымя!.. – заорал бандит. – А то «лимонкой» дверь подорву.

Раздался щелчок замка, и дверь чуть приоткрылась. В щели на фоне покрытой выцветшими обоями стены показалось некрасивое женское лицо. При первом взгляде было трудно даже определить, сколько лет хозяйке квартиры: то ли тридцать, то ли шестьдесят. Грубые мясистые щеки, тяжелый подбородок, опухшие, с огромными мешками глаза невыразительного серого цвета, жирные, не мытые волосы.

– Что... – произнесла она и тут же осеклась, увидев направленный прямо в переносицу автоматный ствол.

– Открывай, сука... – прошипел Клим. – А то – урою.

Зазвенела дверная цепочка, и в следующее мгновение Клим навалился плечом на двери, не ожидая дальнейших приглашений.

Хозяйка, одетая в засаленный халат и шлепанцы на босу ногу, испуганно отскочила назад.
– Ни звука! Прибью!

Клим захлопнул за собой входную дверь и привалился спиной к стене прихожей. Из раны по насквозь промокшей штанине на рваный половик стекала кровь.

В дверном проеме единственной комнаты за спиной хозяйки стояла девочка лет тринадцати с насмерть перепуганным лицом. Дрожащими пальцами она теребила ситцевую ночную рубашку.

В квартире стоял стойкий запах браги, на который Клим поначалу не обратил внимания. Зло глянув на хозяйку, он повесил на дверь цепочку и проговорил:

– Ну, че зенки вылупила? Не видишь – раненый я. Дай сесть.

Некрасивая тетка в грязном халате неопределенно махнула рукой в сторону комнаты.

– Там у нас.

– Есть еще кто-нибудь в хате?

– Нет, одни мы с дочкой.

Клим, сильно припадая на раненую ногу, прошел в комнату и с облегчением плюхнулся на разложенный, застеленный диван. Автомат положил стволом вперед рядом с собой.

Хозяйка квартиры и ее дочь неподвижно застыли в дверях.

Клим стащил с головы вязаную шапочку, вытер ею пот с побледневшего лица. Шумно потянув носом воздух, принялся и подозрительно осмотрел квартиру с убогой обстановкой: колченогий стол, уставленный пустыми банками и бутылками, продавленное кресло, черно-белый телевизор на ножках в дальнем углу.

– Ты что тут, чимер гонишь? – обратился к хозяйке. – Чего брагой воняет?

Хозяйка развела руками.

– Надо же как-то жить. Незамужняя я...

– Водяра есть?

– Нет, только брага.

– Ну так чего ты стоймя стоишь? Давай сюда и бинт какой не забудь.

Хозяйка исчезла где-то на кухне. Девочке, которая по-прежнему стояла, неотрывно глядя на нежданного ночного гостя, Клим приказал:

– Сними мне ботинок, кровью заплыл.

Девочка нерешительно подошла к дивану, опустилась на колени, стала расшнуровывать ботинок.

– Дяденька, – неожиданно подняв голову, спросила она, – вы бандит?

– Не-а... Я – Жан-Поль Бельмондо, – зло рассмеялся Клим. – Ты давай, шевели клешнями и не бойсь, не трону.

Опустив глаза, девочка осторожно сняла окровавленный ботинок.

– Уй, бя... – ругнулся Клим, поморщившись от боли. – Ты это... вымой ботинок, поставь сушиться. Он мне еще сгодится.

Брезгливо морщась, девочка двумя пальцами взяла ботинок и вышла из комнаты.

Плотная штора на единственном окне скрывала происходившее во дворе, но, судя по шуму машин и крикам ментов, они были совсем рядом. Сейчас пройдутся с фонариками по кровавому следу, который Клим оставил за собой, вычислят хату и начнут ломиться. Это Климу никак не могло понравиться.

Он вынул из кармана куртки две «лимонки», положил рядом с автоматом.

В комнату наконец вошла хозяйка. В одной руке она держала бутылку с мутной желтоватой жидкостью, закрытую бумажной пробкой, в другой – длинный кусок белой тряпки.

– Все, что нашла... – словно оправдываясь, сказала она.

– Давай сюда, – прохрипел Клим, – и суку свою тащи. Станете дергаться – всех на хрен взорву, а будете сидеть тихо – не трону.

Он взял протянутую бутылку, зубами вытащил бумажную пробку, выплюнул ее на пол.

– Что, стакана не нашлось? – криво усмехнулся он, глядя на хозяйку.

Та молчала, словно язык отнялся, потом схватила вышедшую из ванной комнаты дочку и прижала к себе.

– Побудь со мной, Леночка. Не бойся, – выговорила она дрожащим голосом.

– В кресло! – скомандовал Клим.

Заложницы покорно выполнили его приказание. Девочка села на колени к матери.

Клим глянул на бутылку, резко выдохнул и приложился к горлышку. Пил крупными глотками, опустошил половину, при этом не сводя глаз с заложниц. Сделав последний глоток, поморщился, передернулся и приложился лицом к рукаву.

– Крепкая, зараза, – одобрительно отозвался о самогоне. – На чем?

– На зерне пшеничном, – уныло ответила хозяйка. – У нас в деревне только так и делали.

– Ладно, – мгновенно захмелев, кивнул Клим.

Почувствовав значительное облегчение, плеснул остатки жидкости из бутылки на раненую лодыжку.

– Во, сучара!.. – едва слышно вырвалось у него сквозь плотно сжатые губы.

Он перевязал рану тряпкой, на которой тут же расплылось красное пятно.

Крики за окнами становились все громче.

Наморщив лоб и осоловело водя головой, Клим пытался сообразить, что делать дальше.

– Эй, малая, выключь свет, – наконец произнес он и, кивнув головой в сторону прихожей, добавил: – Там пусть остается.

Девочка поднялась с кресла, щелкнула выключателем и снова присела на колени матери.

– Что ты собираешься делать? – еле слышно спросила хозяйка.

Клим, подложив под голову подушку, откинулся к стене. Нащупав рукой гранату, продемонстрировал ее заложницам.

– «Лимонку» видишь? Сиди и не рыпайся.

В полутьме было видно, как мясистые щеки хозяйки задрожали, и она беззвучно расплакалась, уткнувшись лицом в плечо дочери.

– Не реви! – прикрикнул Клим. – Ненавижу, когда бабы парашу разводят.

Хозяйка успела несколько раз шмыгнуть носом, и вдруг раздался звонок в дверь. Хотя Клим и ожидал чего-то подобного, звук, распоровший тишину в квартире, застал его врасплох. Хмель мгновенно улетучился. Бандит приподнялся на диване, не выпуская гранату из рук.

– Тихо... – прошипел он заложницам, хотя те сидели как мыши.

Несколько секунд спустя, прозвенел повторный звонок.

Потом из-за двери донесся голос:

– Эй! Парень, мы знаем, что ты там. Отзовись...

Клим, напряженно вслушиваясь в каждый звук на лестничной площадке, молчал.

– Эй, парень, не дури!.. Отзовись. Нам с тобой поговорить надо.

– Пошли на х... суки красноперые!.. – не выдержав, закричал бандит. – Не о чем базарить.

Возникла некоторая пауза, затем тот же голос произнес:

– Плохо слышно, подойди ближе к двери.

– Да, бля... – злорадно засмеялся Клим. – Щас, я тебе на цирлах подбежал. У меня тут две бабы. Будете ломиться – я им бошки поотрываю.

– Мы знаем, что у тебя заложники. Не делай глупостей, парень. Не тронешь заложников – сам останешься жив.

– Чтоб я вам, ментам поганым, поверил... Другим будете лепить горбатого! Отвалите от хаты! И чтоб под окном не ошивались... А то базара не будет!

– Ладно. Еще что?

– А ни хрена мне не надо, есть у меня все: и хавка, и хлопущки. Если ваша ментура будет тут воздух портить, я «лимонку» рвану. Пошли на хрен отседова! Ясно?.. А как балдоха взойдет – побазарим!

На обдумывание слов Клима у милиционеров ушло некоторое время. В квартире было слышно, как за дверью, на лестничной площадке несколько человек о чем-то разговаривают.

Кажется, один из них был настроен решительно, потому что несколько раз повторил слово «штурмовать». Другие уговаривали его набраться терпения и подождать до утра. И, наконец, более трезвая точка зрения взяла верх.

– Эй, парень! – донеслось из-за двери. – Мы согласны. Только при одном условии...

– Чего еще? – развязно крикнул Клим.

– Дай слово, что с заложниками ничего не случится.

– Бля буду!

Как видно, эти слова, хорошо известные в воровской среде, вполне удовлетворили участников переговоров с той стороны. Потому что оттуда немедленно крикнули:

– Добро, только вот еще что...

– Ну че?..

– Тебя как зовут?

– Митькой, – снисходительно ответил Клим, припомнив старый блатной прикол – когда не хотят открывать настоящее имя, называются Митькой.

Но противоположная сторона была, казалось, вполне удовлетворена.

– Слушай, Дмитрий, у тебя там телефон есть?

– А че?

Неожиданно громким всхлипыванием напонила о себе хозяйка.

– Есть у нас телефон, – пробормотала она.

– Ты же не хочешь, чтобы мы до утра под дверью стояли и кричали на весь подъезд?

– Знаю я вас, легаши, – все равно пасти будете.

– Если что вдруг понадобится, звони по 02.

– Ладно, – согласился Клим. – А теперь кочуйте, замудохался я тут с вами.

* * *

До утра ни милиция, поднятая по тревоге, ни обложенный ею в городской квартире бандит по прозвищу Клим не сомкнули глаз.

Милиция не могла приступить к захвату, Клим не мог бежать. И если дежурившие вокруг квартиры милиционеры могли хотя бы подменить друг друга, то у Клима такой возможности не было. К тому же, учитывая его состояние, он в любую минуту мог уснуть – этому способствовали почти пол-литра браги, выпитой на пустой желудок, и немалая потеря крови.

Хорошо понимая, что единственная минута отключки может стоить ему жизни, Клим решил подстраховаться. После того как шум на лестничной площадке и за окном утих, Клим почувствовал, что веки тяжелеют, будто наливаясь свинцом, и ему нестерпимо захотелось спать. А тут еще брага подействовала как болеутоляющее: нога стала меньше напоминать о себе. Заложницы сидели тихо, почти не шевелясь.

– Эй, тетка, – сказал Клим. – Тащи какой таз с холодной водой и шутковать не вздумай, пацанка-то твоя здесь останется.

Через минуту хозяйка принесла холодную воду в выщербленном эмалированном тазу.

Клим махнул рукой.

– На пол поставь. А сама – на место...

Кряхтя, Клим приподнялся на диване, придвинулся к тазу, сунул руку в холодную воду. Плеснул себе в лицо и удовлетворенно передернулся.

– Эх, хорошо!..

Сон отступил. Клим еще несколько раз плеснул водой в лицо и на голову, взъерошил рукой мокрые волосы. Теперь он чувствовал себя лучше.

Осторожно ощупав рану и, убедившись в том, что кровь остановилась, Клим еще больше повеселел. Достал из внутреннего кармана куртки папиросу – еще с зоновских времен привык к «Беломору», щелкнул зажигалкой и с наслаждением затянулся.

– Эй, тетка, чай у тебя есть?

– Как не быть, – угрюмо отозвалась хозяйка.

– Байховый или листовой?

– Да не знаю я, в пачке он...

– Ладно, хер с ним. Давай какой есть. Чифир мне сделаешь.

– Это что такое?

– Ну ты тундра лоховская, чифир не знаешь... Короче так, возьмешь самую большую кружку, вскипятишь воды и кинешь туда полпачки чая. Потом еще раз вскипятишь, крышкой накрой, когда поднимется. Сюда принесешь, пусть здесь отстаивается. И не вздумай там шутковать!.. Мне отсюда слышно все. Чуть что, пацанка твоя на тот свет отправится.

Тяжело вздохнув, хозяйка отправилась на кухню.

От скуки Клим заговорил с девочкой:

– А ты, малая, хоть знаешь, что такое чифир? Настоящий чифир...

– Не знаю, дяденька, – раздался жалобный детский лепет.

– Ну да, – ухмыльнулся бандит. – Откуда ж тебе знать? Ну так слушай. Чифир – это для зека все: жизнь и счастье. На общаке, бывало, заварим чифирок и начинаем гонять по кругу. От него мотор знаешь как работает? В нашей зоне говорили, что после чифира зек прыгает вверх и в сторону на пять метров. Водяра, конечно, тоже вещь хорошая, но где ж ее на зоне столько наберешься... А чаек? Его всегда добыть можно. Ты вот сама-то чай любишь?

– Люблю, с булкой и маслом. Только это редко случается. Когда к бабушке в гости еду в деревню.

– Ну это уже с помазухой, по-купечески. На зоне так бывает, лишь когда семейные пацаны на волю откидываются.

Клим докурив «беломорину» почти до самой бумажной гильзы, бросил на затертый деревянный пол и растоптал ботинком, который оставался у него на левой ноге.

Погремев посудой, хозяйка на кухне затихла. Это вызвало у Клима подозрение.

– Эй, тетка! Ты где там? С ментами, что ли, через окно перемахиваешься?

– Тут я, – торопливо отозвалась хозяйка. – Жду, пока вода закипит. А за окном нету никого.

– То-то, – ослабилась Клим, опуская руку в тазик с холодной водой и протирая лицо. – Я этих сучар на дух не переношу, они мне еще на зоне все кишки проели, дубаки красноперые. Ты, малая, еще не знаешь, какие они падлы. Я бы их всех в землю зарыл...

Хозяйка вошла в полутемную комнату, осторожно неся перед собой большую жестяную кружку, обернутую полотенцем и накрытую сверху блюдечком.

– Поставь возле тазика и садись.

Следующие десять минут, ожидая, пока заваренный в кружке чай опустится на дно, Клим разглагольствовал о несправедливости порядков, установленных в зонах ментами, и о том, как хорошо зекам, которые попадают на отсидку в зоны, живущие по блатным понятиям.

Хозяйка и ее дочь, тесно прижавшись друг к другу в кресле, беззвучно слушали рассказ бывшего заключенного, не выражая ни сочувствия, ни возмущения.

Решив, наконец, что чифир готов, Клим передвинулся на край дивана, снял с кружки блюдечко, поднес ее к лицу, пытаясь по запаху определить, насколько хорошим получился напиток. Потом наконец выдал резюме:

– Воняет говновато. Тетка, ты, может, крысиного яда туда подсыпала?

– Что ты? Окстись... – охнула хозяйка.

– А ну, давай сюда пацанку. Малая, живенько ко мне. Смотри, тетка, если вздумала меня на луну отправить, так твоя сопля раньше меня там окажется. – Клим сунул кружку девочке. – А ну, отпей!.. Из моих рук пей.

– Да что ж ты делаешь, ирод!.. – вырвалось у матери. – Всякой дрянью ребенка спаивать...

– Цыц, чмошница! – зло рявкнул Клим и снова приказал девочке. – А ты, пей!

Девочка покорно потянула губами горячий напиток. Даже в полутьме было видно, как скривилось ее лицо.

– Фу, дрянь какая...

– Что, не нравится?

– Горько очень.

– Это с непривычки. Как во вкус войдешь – оценишь. Ладно, иди к мамаше на коленки.

Теперь уже со спокойной душой Клим сделал первый маленький глоток. Ощувив, как по телу пробежали приятные мурашки, передернул плечами.

– Эх, кайфуша!.. С зоновским, конечно, не сравнить... Но для первого раза – годится. Во продирает, и мотор сразу заработал. Теперь, мусорье, волки позорные, будете под окном зубами клацать. Слышь, тетка? Чай у тебя еще остался?

– Полпачки.

– Это клёво. Потом еще чифирку сбацаешь.

* * *

Пока Клим коротал ночь в квартире жительницы Запрудного Надежды Коноваловой, усиленные милицейские наряды заняли позиции вокруг дома и в подъезде. Жильцов остальных квартир первого этажа тихо, без лишнего шума, эвакуировали. Сам дом был оцеплен. Под окнами квартиры Надежды Коноваловой постоянно дежурили двое омоновцев с автоматами.

На место происшествия выехало руководство городского отдела внутренних дел. Оперативную группу возглавил сам начальник запрудненской милиции полковник Сапронов. Миништаб, руководивший операцией, располагался прямо в персональной «Волге» Сапронова.

Сам полковник – грузный, с двойным подбородком, краснотой лица не уступавший цвету петлиц на мундире, – занимал все заднее сиденье своего автомобиля. Накинув на плечи шинель, он курил одну сигарету за другой. Личный водитель услужливо подливал полковнику в чашку горячий кофе из термоса.

Когда Сапронову позвонили домой, он был уже в постели. Слава богу, до отъезда жена успела сварить кофе.

Начальник городского отдела внутренних дел, и так не отличавшийся мягкостью характера, был мрачен. Да и кто бы на его месте веселился?

День предстоял ответственный: на похороны бывшего председателя горисполкома Михайлишина ожидали высоких гостей, все было заранее подготовлено, дела шли своим чередом. И тут вдруг чрезвычайное происшествие! В первые минуты после того, как стало известно о перестрелке в центре города, подчиненные Сапронова запаниковали. Ведь случилась эта неприятность в непосредственной близости от Дворца культуры профсоюзов, где через двенадцать часов должна была пройти церемония прощания, при участии всего городского руководства и приглашенных гостей.

Не растерялся лишь командир городского ОМОНа, майор со звучной фамилией Кулак. Майор появился в запрудненском горотделе недавно. Приехал вместе с семьей из казахского города Темиртау, где служил в местной милиции. С некоторых пор карьера в казахских органах внутренних дел для майора с русской фамилией стала делом бесперспективным. Кулак продал квартиру, погрузил нажитое за двадцать лет безупречной службы добро в контейнеры и двинул в Запрудный, где у него жила престарелая мать. Майор поселился с семьей в материнском доме на одной из улиц частного сектора.

Кулак был невысокий, плотно сбитый крепыш, весь облик которого говорил о хорошей физической форме. Майор каждое утро, несмотря на погоду, умывался во дворе холодной водой, подтягивался и крутил «солнце» на турнике, совершал продолжительные пробежки.

После изучения личного дела майора Кулака полковник Сапронов, хотя и не без колебаний, поручил ему руководство недавно организованным отрядом милиции особого назначения.

Сегодняшнее ночное происшествие явилось для командира ОМОНа и его бойцов первым серьезным испытанием. До этого омовцы занимались в основном патрулированием городского рынка и других криминогенных точек. Потерь, конечно же, не было. А тут, в столкновении с двумя бандитами неподалеку от Дворца культуры профсоюзов, получили ранения три бойца ОМОНа.

Майор Кулак решительно настаивал на штурме квартиры, где с двумя заложницами скрывался один из преступников.

Сапронов возражал. Судя по имевшейся у него информации, бандит был вооружен не только огнестрельным оружием, но и гранатами. Бойцам ОМОНа не хватало опыта, и операция по штурму квартиры могла обернуться большой кровью. А очередного прокола в работе правоохранительных органов Сапронову просто не простили бы.

После событий минувшего лета, когда в Запрудном развернулась настоящая война и погибли несколько сотрудников милиции, полковник едва удержался в своем кресле. По счастью, за него было кому замолвить словечко в Москве, но это не могло продолжаться вечно.

Заместитель Сапронова, подполковник Угрюмов, был на стороне своего непосредственного начальника.

После предварительных переговоров с бандитом, который назвался Дмитрием, Сапронов решил подождать до утра. Он распорядился поднять картотеку, чтобы выяснить личность преступника, убитого при задержании бойцами ОМОНа.

Лицо его было изуродовано осколком гранаты, пробившим глаз. Никаких документов при нем, конечно же, не оказалось. Некоторую информацию могли дать многочисленные татуировки на теле преступника, но единственным крупным специалистом по исправительно-трудовым учреждениям в Запрудном был сам полковник Сапронов. Так что выяснение личности убитого затягивалось на неопределенный срок.

Кроме имени, не было никаких других зацепок, которые позволили бы сотрудникам городского ГУВД установить личность второго бандита, да и само это имя могло оказаться вымышленным. В общем, картина складывалась довольно безрадостная...

* * *

Клим отпил немного горячего чифира, поставил кружку на пол рядом с диваном и принялся снимать повязку с раненой лодыжки.

Вместе со свежеприготовленным чифиром хозяйка принесла и длинный кусок простыни. Дочка, свернувшись калачиком в кресле, спала. Мать присела рядом с ней на пол, прислонившись спиной к стене и прикрыв колени полами халата.

Клим снял набрякшую кровью повязку, скомкал и бросил в угол. Почувствовав, что снова открылось кровотечение, он плеснул на ладонь горячего чифира и вылил тягучий черный напиток в рану.

– О, с-сс... с-сука, – прошипел он сквозь зубы. – Жжет...

После этого Клим разорвал кусок простыни на две части и туго перемотал ногу, сначала в месте ранения, а потом чуть выше. Ему казалось, что это остановит кровотечение. Было очень больно, но вторая кружка чифира, а также наружная обработка раны принесли некоторое облегчение.

– Эй, тетка, сколько там на бачатах натикало? – спросил он, закончив перевязку.

– Что? – не поняла она.

– Время, говорю, глянь.

Хозяйка поднялась, подошла к противоположной стене и, повернув к себе настенные часы с кукушкой, сказала:

– Шесть скоро.

– А ну-ка, высунь нос на улицу. Только сбоку.

Женщина подошла к окну и, осторожно отодвинув штору, выглянула на улицу.

– Вроде тихо все.

– Да я слышу, что тихо, не глухой! – нервно воскликнул Клим. – Светать начало?

– Да вроде бы.

– Ладно, корова, давай сюда телефон! Пора мне сваливать.

Хозяйка принесла треснувший, перевязанный изоляционной лентой телефонный аппарат и, как и все остальное, поставила к ногам бандита.

Он нагнулся, поднял трубку и пальцем с заскорузлым черным ногтем стал накручивать диск.

– Дежурная часть слушает, – донеслось из трубки.

– Аллю, гараж, – развязно сказал Клим.

– Кто говорит?

– Хитрый Митрий, – хрипло засмеялся бандит, – насрал в штаны, а говорит – ржавчина!

– Что за шутки в шесть утра? – возмутился дежурный милиционер на другом конце провода. – Немедленно положите трубку!

– Ах ты бля, мудака сраный! – рассвирепел Клим. – Ночник красноперый, падла легавая!.. Я тебе щас двух жмуриков в окно выкину, если ты, фуций мусор, не подашь мне к подъезду тачку, «волгара»! Понял? И чтоб там были бабки, десять «лимонов» и водяры ящик... И я тебе больше, волк позорный, тарабанить не буду!

Обескураженный потоком обрушившейся на него брани, дежурный милиционер сдавленно произнес:

– Кто это говорит?

– Моя девичья фамилия – пошелтынахуй! – со злобой рявкнул в трубку Клим и швырнул телефонный аппарат в прихожую.

От криков и от грохота разбившегося телефона дочь хозяйки проснулась и начала плакать.

– А ты, спиногрызка, говнючка, заткнись! – возбужденно заорал Клим и тут же приказал хозяйке: – Тащи моего говнодава, да побыстрей! – Хозяйка принесла из ванной комнаты наполовину просохший ботинок. Клим натянул его на раненую ногу.

– Одевайся, – сказал женщине. – И пацанку одевай.

– Куда мы пойдем?

– Похилиаемся по бульвару, – гоготнул Клим, – а то я давно с телками не гулял.

– М...мы... – запинаясь, проговорила женщина. – Мы никуда не пойдем.

Клим посмотрел на нее с таким изумлением, словно перед ним стояла внезапно заговори́вшая валаамова ослица.

– Ты че? Ты че, молодка?.. Ты че хочешь, чтоб я твою соплю прямо тут завалил? – Голос его приобрел металлический оттенок. – Накинь шмотье и говнодавы какие-нибудь надень, а то голая и босая на прогулку поканаешь.

В подтверждение своих слов он направил на девочку автомат.

Хозяйка квартиры вздрогнула и, не произнеся больше ни единого слова, стала покорно выполнять все, что приказывал Клим.

* * *

Наступил туманный, тяжелый рассвет. Милиционеры в оцеплении вокруг дома, в котором затаилась беда, сонно зевали и терли руками покрасневшие от напряжения и недосыпания глаза.

Полковник Сапронов отдавал последние распоряжения, выйдя из служебной машины, чтобы лучше видеть подъезд. Именно оттуда должен был появиться бандит, потребовавший подать ему автомобиль.

В гараже горотдела внутренних дел нашли подходящую «Волгу» – вполне приличного вида автомобиль, отслуживший тем не менее свой срок и подготовленный к списанию. Именно такая машина была пригодна для операции. В конце концов, не отдавать же подонку новенькие служебные автомобили начальства?

К тому же майор Кулак сумел уговорить полковника Сапронова попытаться захватить бандита непосредственно у подъезда в момент, когда тот будет садиться в машину.

Выбор у начальника запрудненской милиции был небольшой – перехватить бандита сразу, либо дать ему уйти на машине через милицейское оцепление и брать позднее, возможно, даже за городом. До некоторого времени полковник Сапронов отдавал предпочтение второму варианту. Он даже распорядился, чтобы срочно привезли лучшего механика горотделовского гаража, мастера на все руки дядю Васю. Задача перед ним стояла простая – сделать так, чтобы машина с преступником далеко не ушла.

Дядя Вася спокойно кивнул и за считанные минуты справился с поручением: кое-что подкрутил, кое-что зажал и твердо пообещал, что больше десяти километров этот «волгарь» никак не пройдет.

Однако бандит мог взять с собой заложников в машину. И тогда хитроумные манипуляции дяди Васи потеряли бы всякий смысл. Такого мнения упорно придерживался командир ОМОНа майор Кулак.

Взвесив различные варианты, полковник Сапронов пришел к выводу, что предложение майора следует принять.

– Будем брать у подъезда, – решил он, надеясь поскорее закончить эту затянувшуюся бодягу.

Судьба двух заложников, о которых было известно, что это мать и дочь Коноваловы, проживавшие на первом этаже, отошла на второй план. Да и волновала она Сапронова куда меньше, чем успешный исход операции по задержанию преступника.

* * *

«Волгу» подали к подъезду, за рулем сидел механик дядя Вася. Деньги в прозрачном полиэтиленовом пакете лежали на заднем сиденье, водку поставили в багажник. В некотором отдалении от дома сгрудились с полдюжины милицейских автомобилей: «уазики», «Жигули»,

а также «Волги» начальства. Омоновцы, готовые к штурму, заняли исходные позиции, прячась в дверях двух соседних подъездов и за кустами сирени.

Несмотря на ранний час, появились и неизбежные зеваки. Стоя за спинами милиционеров, они вытягивали шеи, стараясь разглядеть, что будет происходить возле подъезда. Особое внимание привлекал темный силуэт человека, распластавшегося на козырьке над подъездом. В плане захвата бандита, разработанном Кулаком, этому бойцу отводилась главная роль.

Рассветную тишину разорвал усиленный милицейским мегафоном голос:

– Машина подана! Можешь выходить!

Прошло несколько минут томительного, напряженного ожидания. Наконец в дверном проеме подъезда показалась женщина в зеленом китайском пуховике. Сделав два шага, она остановилась под козырьком. Следом за ней вышла девочка в потертом пальто и вязаной шапочке. И остановилась рядом с матерью.

Бандит прятался в дверном проеме. Оттуда он прокричал:

– У меня граната с вырванным кольцом! Если кто дернется – всех взорву на хрен!

– Тихо, тихо, парень! – уверенным, ровным тоном сказал в мегафон майор Кулак, стоявший метрах в сорока от подъезда. – Мы выполнили все твои условия. Можешь идти к машине.

Повинуясь окрику бандита, заложницы чуть расступились.

– Кто в тачке?! – закричал Клим.

– Наш водитель.

– Мне на х... не нужен никакой водила! Пусть свалит. Только пусть сначала покажет бабки!

Дядя Вася, обернувшись, взял с заднего сиденья полиэтиленовый пакет с деньгами и продемонстрировал их преступнику, а потом неторопливо вышел из машины.

– И багажник, багажник открой! – истошно завопил Клим. – Может, у вас там менты сидят...

Выполнив и эту команду, дядя Вася быстрым шагом отошел от автомобиля, включенный мотор которого негромко урчал.

– Все в порядке, не беспокойся, – сказал в мегафон майор Кулак.

Клим чего-то выжидал, не решаясь выйти из подъезда. Вместо этого он еще раз закричал:

– У меня «калашников» и «лимонка»! Если будут гнилые подколы – всем п...ц!

– Выходи, не бойся, – успокаивающе произнес командир ОМОНа. – Нам крови не надо.

Клим наконец решился. Сделав два шага вперед, он упер ствол автомата в спину девочке, еще выше подняв над головой руку с зажатой гранатой.

– Я выхожу.

Темный силуэт на козырьке подъезда зашевелился, сжался, готовясь к прыжку. Стоило бандиту сделать еще шаг, как сверху на него всей тяжестью обрушился плечистый омоновец.

– Бабы, бегите! – закричал в мегафон майор Кулак.

Это было сигналом к началу захвата.

Омоновцы, находившиеся в засадах, рванулись к подъезду. Заложницы бросились бежать в разные стороны. Клим на голову обрушилось что-то тяжелое, и он рухнул на выщербленные бетонные плиты возле подъезда, выронив автомат, который отлетел в сторону. Но гранату по-прежнему сжимал в руке.

Омоновец навалился на бандита, пытаясь дотянуться до «лимонки». Он сжал запястье Клим, намереваясь перехватить гранату с вырванным кольцом.

Бандит, уже полуоглушенный, разжал ладонь, и смертельно опасный предмет покатился по бетонной плите.

Последнее, что слышал в своей короткой жизни отсидевший срок за хулиганство и недавно вышедший на свободу Николай Климов, был прозвучавший над его ухом сдавленный выкрик:

– О, еб... ть!..

Оседлавший его омовец, не сумев дотянуться до выкатившейся гранаты, со скоростью зайца, преследуемого борзой, отпрыгнул в сторону.

– Ложись! – еще успел прокричать он прежде, чем граната разлетелась на десятки осколков.

Находившиеся уже в нескольких метрах, бойцы ОМОНа рухнули на холодный, сырой асфальт одновременно с резким звуком разрыва. Звеня, посыпались вниз оконные стекла, выбитые осколки и обломки выщербленного бетона, с грохотом полопались шины горотделовского «волгара». Разлетающиеся со шрапнельным визгом куски металла и камни сбивали ветки деревьев и кустарников, свистели над головами всех, кто успел упасть.

Спустя несколько мгновений все затихло. Люди, отряхиваясь, поднимались с земли и асфальта. Но несколько человек остались лежать неподвижно: получил тяжелое ранение в голову боец ОМОНа, по несчастью в момент разрыва оказавшийся в метре от гранаты, осколок ударил в плечо девочке-заложнице.

Климку раскроило череп от виска до макушки и до локтя оторвало руку. Ее нашли потом милиционеры, осматривающие место происшествия. На ней не хватало двух пальцев, но это уже мало кого заботило.

Все-таки никто, кроме бандита, не погиб, и полковник Сапронов с полным основанием мог записать себе в актив успешные действия по обезвреживанию вооруженного террориста.

Детали происшедшего должно было прояснить следствие.

* * *

Похороны бывшего председателя горисполкома Михайлишина прошли торопливо и скомканно. Гости из соседних районов и из Москвы все-таки приехали, но, узнав о ночном происшествии в Запрудном, предпочли ограничиться лишь присутствием на короткой церемонии прощания в городском Дворце культуры профсоюзов.

Не было торжественной процессии на городское кладбище, не было траурного митинга над могилой. Гости лишь понаблюдали за тем, как дорогой гроб выносят из зала, где проходило прощание, грузят в черный катафалк «Кадиллак» и в сопровождении усиленных милицейских нарядов отправляют в последний путь.

* * *

На следующий вечер, как и было запланировано заранее, состоялась церемония открытия казино «Золотой дукат». Главным виновником торжества и центром всеобщего внимания был высокий, крепко сложенный мужчина с безупречным овалом лица, неизменной короткой стрижкой светлых волос и выразительными, чуточку усталыми глазами.

Тем, кто знал его давно, было непривычно видеть крепкую жилистую фигуру упакованной в черный фрак без единой морщинки и ослепительно белую рубашку с накрахмаленным стоячим воротничком. Дополнением к ансамблю служила яркая цветная бабочка.

Дамы, которых среди гостей было немало, не сводили глаз с завидного кавалера, а он смотрел сквозь них, пытаясь увидеть в толпе другую. Иногда вскидывал руку и машинально проводил пальцами по белесому шраму на щеке.

Эффектная платиновая блондинка в черном брючном костюме, сопровождаемая молодым человеком с громоздкой видеокамерой на плече, наконец пробилась сквозь толпу и со столичной уверенностью протянула руку мужчине во фраке.

– Здравствуйте, я – корреспондент московского телеканала Елена Филатова. Я вам звонила. Мы немного задержались в дороге. Константин... Петрович, кажется?

– Совершенно верно. Константин Петрович Панфилов.

Глава 4

О том, чтобы открыть в родном городе казино, Константин начал задумываться еще пару лет назад. Бывая в подобных столичных заведениях, которые в начале девяностых открывались там едва ли не на каждом углу, Панфилов видел, с какой легкостью люди расстаются с деньгами.

Азарт человеческий неистребим. И это – естественно. Испокон веку не переводились те, кто готов был поставить на кон все – а уж потом или грудь в крестах, или голова в кустах. Тут еще время поспособствовало, шальные деньги жгли руки, «зелень» буквально вываливалась из карманов.

Но до некоторых пор Панфилов откладывал идею открытия казино – хватало и других проектов. К тому же существенную роль сыграло отсутствие подходящей площадки.

В самом деле глупо было бы открывать казино на темной окраине или транзитной автомагистрали: приличная публика туда не пойдет. А собирать у себя в заведении тех, кто приходит не только крутануть рулетку или попытать счастья в покер, но и водочки попить, руками-ногами помахать, пальбу из «тэтэшек» устроить, Панфилов не хотел. И если открывать игорное заведение, так чтобы в центре города, в хорошем месте, с надежной охраной, чтобы люди чувствовали себя в безопасности, расставаясь с большими деньгами.

Панфилову давно приглянулся кинотеатр «Мир», расположенный на широкой городской площади напротив универмага. Сюда он еще пацаненком бегал смотреть фильмы про индейцев и мушкетеров, потом, став постарше, вместе с толпой просачивался на сеансы для взрослых. Сейчас кинопрокат заглох, народ невозможно было заманить в кинотеатр даже «Терминатором».

Здание «Мира» было привлекательно с деловой точки зрения, и несколько бизнес-структур Запрудного, включая панфиловскую фирму «Лидер» и ее главного конкурента «Триал», принадлежавший бывшему комсомольскому работнику Юрию Трошину, положили на него глаз.

Первый этаж кинотеатра даже без особой реконструкции можно было приспособить, скажем, под мебельный салон или магазин по продаже автомобилей. Именно о мебельном салоне изначально думал Константин, присматриваясь к зданию. Этому способствовало и то, что в составе фирмы «Лидер» еще с тех времен, когда она была кооперативом, успешно работало подразделение по производству мебели. Оно давало устойчивую, хотя и не слишком большую по сравнению с другими видами бизнеса прибыль. А постоянная крупная торговая точка в центре города несомненно способствовала бы росту сбыта.

Однако довольно продолжительное время ни «Лидер», ни «Триал», у которого имелись собственные планы в отношении здания, претендовать на него не могли. По негласному, так сказать, джентльменскому, соглашению, целью которого было сохранение общего равновесия сил, кинотеатр входил в зону влияния довольно крупной и богатой азербайджанской группировки.

Азербайджанцы появились в Запрудном довольно давно, еще в советские времена. Поначалу они торговали на местном рынке цветами и южными фруктами, затем стали прибирать к рукам и другие виды торговли. К началу девяностых запрудненский колхозный рынок едва ли не полностью оказался в их руках. Им принадлежали многие торговые места, на них работали по найму продавцами местные жители.

Но не только, а может быть, и не столько рынок стал основой их могущества. Наиболее крупные и скрытые от взглядов налоговиков доходы азербайджанской общине Запрудного приносили торговля нефтью и нефтепродуктами, а также наркотики.

Фирму «Триал» азербайджанцы считали в некотором роде своей: через нее шла торговля бакинской нефтью, она же отстегивала азербайджанцам за «крышу» хорошую долю из при-

были. Что же касается иных видов бизнеса, то ими азербайджанцы предпочитали заниматься самостоятельно, не допуская постороннего вмешательства. Это относилось к поставкам наркотиков, к поставленному на конвейерную основу регулярному сбору дани со своих же соотечественников-торговцев, и к игорному бизнесу.

Лидером, хотя и неформальным, азербайджанской общины города Запрудного был коронованный законник Айваз Муса-оглы Шаримов, известный в определенных кругах как Айваз. Он появился в городе около трех лет назад и довольно быстро завоевал у своих земляков устойчивый авторитет и признание.

В заслугу Айвазу можно было поставить тот факт, что он навел порядок в рядах азербайджанцев, нарушившийся после гибели в разборках прежних лидеров южан. Айваз сумел нейтрализовать конкурентов в собственной среде, прекратить войну и заключить перемирие с местными группировками. Он нашел выход на чиновников городской администрации, которые за немалый бакшиш отстаивали теперь его интересы. Они ограничивали проявление интереса к деятельности азербайджанцев со стороны силовых структур.

Айваз сохранил и даже расширил контроль над запрудненским бизнесом, договорился о разделе зон влияния на деловой арене. До минувшего лета именно он был негласным хозяином кинотеатра «Мир», где на первом этаже располагался зал игровых автоматов. Часть прибыли, получаемой от работы «одноруких бандитов», шла на выплату зарплаты скромным труженикам кинопроката, остальное Айваз забирал себе.

Однако за последние несколько месяцев обстановка в городе радикально изменилась. Начало всему положила объявленная в Запрудном кампания по избранию нового городского руководителя.

Среди граждан, выдвинувших свои кандидатуры на пост будущего главы города, были не только действующий председатель горисполкома Кинелев, вкупе с несколькими, очевидно непроходными, фигурами, но и бизнесмен Константин Панфилов.

Соперничество за голоса избирателей между Кинелевым и Панфиловым вылилось в серию скандалов и чрезвычайных происшествий. Власть, почувствовав угрозу своему благополучию в лице успешно действующего бизнесмена Панфилова, развязала против него войну, на которой, как и в любви, по общеизвестному утверждению, все средства хороши.

Этим стремились воспользоваться и деловые конкуренты Панфилова, которые хотели за счет временного ослабления противника оттяпать у него куски пожирнее. Они предпочитали действовать отнюдь не цивилизованными методами.

После ряда провокаций в городе разразился настоящий хаос. В борьбу вступили не только кандидаты на пост главы городской администрации Запрудного Кинелев и Панфилов, не только фирмы «Триал» и «Лидер», но и две крупнейшие преступные группировки города – азербайджанцы во главе с Айвазом Муса-оглы Шаримовым и «синие», которых возглавлял авторитет Саша Порожняк.

Между Айвазом и Порожняком развернулась открытая война. Ее результатом стали, не считая материальных потерь, разборки между соперничающими «кодлами», смерть и увечья для многих бойцов с той и другой стороны, а также гибель Саши Порожняка.

Айваз праздновал временную победу: ему удалось устранить своего единственного, как ему казалось, соперника в борьбе за теневую власть над городом. Для этого пришлось приложить немало усилий, пожертвовать не только жизнями своих боевиков, но и громадным количеством нефте- и наркодолларов, которые ушли на подкуп людей из коридоров власти. Были среди клиентов азербайджанского вора-законника и люди в милицейских погонах.

Но Айвазу не пришлось воспользоваться плодами своей победы. Пребывая в состоянии эйфории от достигнутого и утратив чувство реальности, Айваз «наехал» на Панфилова. Непосредственное столкновение между ними произошло, кстати, на первом этаже того самого кинотеатра «Мир», в зале игровых автоматов, который принадлежал Айвазу. После этой, отнюдь

не дружеской встречи азербайджанская община Запрудного едва не лишилась своего лидера. Айваз остался жив, но, испытав на себе тяжелую руку Панфилова, надолго исчез из города.

Однако и для Жигана – такую погонялу Константин Панфилов получил во время своей «командировки» на зону, куда попал вскоре после возвращения из армии, пытаясь спасти младшего брата, – злключения после разборки с Айвазом не закончились. По-своему понимавший борьбу с преступностью, следователь городского отдела внутренних дел майор милиции Турченко действовал, как оказалось, заодно с бандитами. Подобрал себе подходящих помощников в милицейских рядах и пользуясь покровительством высших чинов запрудненского ОВД, он пытался физически уничтожить Панфилова.

В этом смертельном противостоянии победителем вышел Панфилов. Фамилии Турченко и его помощников пополнили милицейский мартиролог.

Сам Константин был ранен, погиб его лучший друг – начальник службы безопасности фирмы «Лидер» Владимир Семенов, служивший прежде, как и Панфилов, в спецназе воздушно-десантных войск. Их объединяла крепкая дружба, основанная на общем афганском прошлом.

Семенов заплатил жизнью за то, что слишком близко подобрался к разгадке целой череды преступлений, совершенных оборотнями в милицейских погонах. Панфилов поклялся отомстить за смерть товарища и довести начатое им расследование до конца. К этому Жигана вынуждало и собственное положение: разбитый, но не уничтоженный враг становится вдвое опаснее, мечтая о реванше.

Еще с одной смертельно опасной угрозой Жиган столкнулся в Москве. В своей попытке пойти во власть, предпринятой Панфиловым по совету давнего друга и покровителя, уважаемого в столице законника Артура, Константин решил обеспечить себе информационную поддержку.

Для этого он при помощи Артура и при содействии быстро набирающего вес и влияние московского бизнесмена Бориса Могилевского вложил крупную сумму в развитие перспективного телевизионного канала «ТВ-город», возглавляемого молодым амбициозным Георгием Венедиктовым. Эту сумму Венедиктову передал Могилевский.

Проект был многообещающим, деньги предполагалось потратить на закупку современного съемочно-монтажного видеооборудования, а также для расширения объема вещания. Со временем «ТВ-город» мог получить лицензию и превратиться в крупный московский телеканал. Это способствовало бы расширению поля деятельности Константина Панфилова и открывало бы для него новые перспективы.

Но планам Жигана не суждено было сбыться. Неожиданно в дело вмешалась некая таинственная и жестокая сила, которая имела собственные планы относительно компании «ТВ-город». Не затрудняя себя ведением переговоров и мирным решением внезапно возникшего конфликта, конкуренты Жигана в борьбе за телекомпанию братья Мотукаевы немедленно приступили к действиям. Наемные убийцы расправились с вором Артуром, убив его в собственной квартире, взорвали машину, где находился Борис Могилевский.

На самого Панфилова покушались дважды, но ему, по счастливой случайности, удалось уцелеть. А вот его личный телохранитель Александр Ипатов был убит и сгорел в «Кадиллаке», принадлежавшем Жигану. Убийцы просто-напросто перепутали его с Константином. Жигану так и не удалось пока узнать, по чьему заказу и кем были совершены эти преступления.

Потерявший близких друзей и людей, оказывавших ему покровительство, истратив огромное количество денег на предвыборную кампанию, включая крупную сумму, вместе с которой исчез Георгий Венедиктов, известный запрудненский бизнесмен Константин Панфилов не смог одержать победу на выборах. Он не учел коварства представителей действующей власти, которая стремилась любой ценой не допустить победы противника.

Выполняя заказ городского руководства, избирательная комиссия аннулировала результаты выборов, признав их несостоявшимися и перенесла повторные выборы на неопределенный срок.

Но не в характере Панфилова было падать духом. Не раз он попадал, казалось, в безвыходные ситуации, и смерть часто дышала ему в затылок: так было и в афганской мясорубке, и в пресс-хате следственного изолятора, и в бараке кировской зоны, и на хазах торговцев наркотиками...

Он терял друзей, его предавали люди, связанные с ним фронтовым братством, и партнеры по бизнесу... Но каждый раз он восставал из пепла, словно Феникс, и продолжал упрямо идти собственным путем.

Он всегда выбирал свою дорогу. Это была дорога свободы...

* * *

Поспешное бегство Айваза из Запрудного подтолкнуло Панфилова к реализации идеи открыть в городе казино. Администрация городского киноvideопроката, которой принадлежал кинотеатр «Мир», на вполне законных основаниях – арендная плата не вносилась более чем полгода – расторгла договор об аренде помещений «Мира» под зал игровых автоматов.

Будь Айваз здесь, он бы, конечно, нашел способ уладить столь незначительный конфликт, но без него деятельность азербайджанской общины и опекаемых ею бизнес-структур оказалась парализованной.

Панфилов сумел воспользоваться сложившейся ситуацией. Он понимал, что растерянность в стане южан скоро пройдет, а потому действовал быстро и решительно.

Открытие игорного заведения в центре города было для него не самоцелью, а способом реального заработка. Выборы и то, что случилось в ходе подготовки к ним и позже, нанесли сильнейший удар по финансовому положению панфиловской фирмы «Лидер».

Налеты налоговиков и сотрудников отдела по борьбе с экономической преступностью городского УВД, возглавляемого майором Грудневым, привели к закрытию цеха по производству винно-водочной продукции, автозаправочной станции и параличу деятельности «Экстра-банка», контролируемого Панфиловым. Все прочие виды деятельности – производство мебели, физкультурно-оздоровительный комплекс, ресторан «Луна» – приносили лишь небольшие доходы. Некоторые проекты, например, реконструкцию бывшего дома отдыха «Сосновый бор» для превращения его в центр медицинского обслуживания и реабилитации бывших «афганцев» пришлось заморозить. Под такие масштабные работы требовались немалые средства.

В московском банке «Профиль» у Панфилова был личный именной счет, на который по сложной схеме поступали деньги, полученные им в результате одной хитроумной операции.

Тогда, чуть больше года назад, Панфилов, разыскивая капиталы, похищенные у его партнера Григория Володина, а в конечном счете, у него самого, оказался в Нью-Йорке. При помощи выданной вором-законником Артуром рекомендации Панфилов вышел на одного из наиболее авторитетных представителей российского теневого мира в Америке, известного по прозвищу Дед.

Принадлежавшие Константину деньги, как выяснилось, похитил молодой московский финансист, владелец банка Александр Кононов. Обманув акционеров банка, Кононов присвоил себе часть авуаров и с приключениями, достойными описания в шпионских мемуарах, бежал за океан. Его банк, опекаемый бывшими высокопоставленными сотрудниками госбезопасности, был вынужден объявить себя банкротом.

Жиган оказался не единственным, кто хотел найти Александра Коконова. Куда более веские претензии к проворовавшемуся банкиру имели те, кто хранил в банке деньги, получен-

ные от незаконных операций с наркотиками и оружием. Их интересы, по странному стечению обстоятельств, представлял бывший армейский наставник Панфилова – Михаил Елизаров.

За пару лет до этого жизнь уже сталкивала Панфилова и Елизарова. При драматических обстоятельствах они оказались по разные стороны баррикад: Елизаров на стороне наркодельцов, Константин против них.

При содействии Деда Панфилов все-таки нашел банкира Кононова и попытался вернуть собственные деньги, но в этот момент вмешались иные силы. Дед был арестован сотрудниками ФБР. За нарушение иммиграционного законодательства в американской тюрьме оказался и московский банкир Александр Кононов, сумевший тем не менее скрыть от властей украденные им миллионы долларов. Таинственную силу, нарушившую все планы Панфилова, представлял «воскресший из мертвых» Михаил Елизаров.

Но прежде чем бывший наставник, ставший впоследствии врагом, смог экспроприировать деньги Кононова, это сделал Панфилов. Блестяще задуманную им операцию компьютерного хакерства осуществил талантливый молодой программист.

В итоге Панфилов стал обладателем кругленькой суммы, размещенной на кодированном счету в неприметном банке отдаленной оффшорной зоны. В целях предосторожности Жиган был вынужден переводить деньги в Москву небольшими частями, тщательно маскируя источники их поступления.

Схема была разработана группой квалифицированных московских менеджеров, специализировавшихся на такого рода операциях. Константин просто воспользовался готовой идеей, которую ему предложил Артур. Старый вор имел выходы на банк «Профиль», который и занялся реализацией проекта.

Но после гибели Артура прохождение денег через «Профиль» замедлилось. Константин пытался встретиться с президентом банка Олегом Артеменко, однако всякий раз встречи срывались. То Артеменко оказывался в кратковременной командировке, то его вызывали на совещание в «Центробанк», то в назначенный час его просто не оказывалось на месте. И секретарша в ответ на вопрос о том, где начальник, только недоуменно пожимала плечами.

Панфилов почувствовал, что дело пахнет керосином, но сейчас самым драгоценным для него было время. Он решил отложить решение вопроса с «Профилем», занявшись делом, которое сулило реальную и скорую прибыль, хотя и не без содействия некоторых чиновников городской администрации.

Константин Панфилов заключил договор о долгосрочной аренде здания кинотеатра «Мир». Резко сократив внутренние расходы, продав кое-что из имущества, в том числе несколько автомашин, принадлежавших фирме, взяв кредит в одном московском финансовом учреждении под залог собственного загородного дома, Константин смог собрать сумму, необходимую для ремонта и реконструкции кинотеатра.

Группа архитекторов, а также несколько бригад строителей и отделочников трудились днем и ночью. Несколько недель Панфилов буквально разрывался между стройкой и разнообразными бюрократическими заведениями вроде Управления капитального строительства горисполкома, бесчисленных инспекций и контор. Он лично занимался закупками стройматериалов, зеркал, мебели, игорных столов, барных стоек, люстр, ковровых покрытий, посуды...

Лишившись собственного «Кадиллака», который сторел в кювете на загородной дороге, Панфилов ездил на служебной «Волге» с водителем. Впрочем, при всей любви Жигана к личному управлению автомобилем, такая вынужденная мера, как езда на служебной машине в качестве пассажира, была вполне уместной. Он уставал так, что, сев за руль, рисковал разбиться на первом же крутом повороте.

Но Панфилов был глубоко убежден, что игра стоит свеч.

И вот, когда до начала зимы оставалось совсем немного, казино «Золотой дукат», расположенное на первом этаже кинотеатра (на втором по-прежнему находился зрительный зал, но теперь уже с отдельным входом), было готово к открытию.

Торжественная церемония состоялась в намеченный срок.

Глава 5

Открытый в Москве, на Большой Грузинской улице, ресторан «Робин Гуд» быстро получил признание у знатоков грузинской кухни и любителей грузинских вин. Владельцы ресторана не могли пожаловаться на отсутствие посетителей.

Особенно большой наплыв желающих отведать баранью ножку в коньяке и запить ее настоящим «Киндзмараули» или «Хванчкарой» наблюдался в вечерние часы. Обычно в такое время за каждым столиком сидела теплая компания, негромкие звуки напевных грузинских мелодий способствовали пищеварению. Веселые, по-кавказски радушные официанты бодро разносили вина и закуски.

Столик в центре зала выглядел островком одиночества на фоне разгорающегося вечернего веселья. Здесь сидел единственный посетитель – моложавый подтянутый кавказец с чисто выбритым лицом и густым ежиком седых волос на голове. Он неторопливо ел одно из фирменных блюд ресторана – курицу по-шервудски.

Официант, не сводивший с него глаз, заметил, что гость отодвинул опустевшую тарелку, немедленно метнулся к столику и убрал ненужную посуду.

Гость некоторое время не возобновлял трапезу, медленно попивая из бокала «Киндзмараули» и окидывая зал цепким взглядом прищуренных карих глаз. Затем, поставив бокал на столик, вынул из внутреннего кармана великолепно сшитого черного пиджака записную книжку в коричневой кожаной обложке. Пролистав несколько страниц, задержал взгляд на записях, затем, сняв колпачок с дорогого «Паркера», быстро набросал золотым пером несколько строчек.

На его холемом, непроницаемом лице мелькнула тень озабоченности. Спрятав ручку и записную книжку, он некоторое время сидел почти неподвижно. Затем придвинул к себе тарелку с салатом, который, как и несколько других фирменных блюд, носил название ресторана. Какое-то время он ковырялся вилкой в салате, выбирая отдельные кусочки, но затем, видимо, потеряв аппетит, закончил ужин.

От официанта не ускользнуло то, с каким раздражением гость бросил вилку в салат. Мгновенно оказавшись у столика, он долил в бокал вина и, вежливо наклонившись, поинтересовался у гостя:

– Вам не понравился салат, Гурам Каллистратович?

Кавказец в ответ негромко произнес по-грузински несколько слов, и выражение вежливого внимания на лице официанта мигом сменилось гримасой испуганного оцепенения.

Наконец, справившись с чувствами, официант сдернул со стола тарелку, втянул голову в плечи и исчез.

Посетитель допил вино и потянулся к лежащему на столе мобильному телефону. Включив аппарат, нажал на кнопку набора последнего номера и, дождавшись ответа абонента, произнес в микрофон единственную фразу:

– Я выхожу.

После этого он отключил телефон, спрятал трубку в боковой карман пиджака, из наружного кармана вынул аккуратно сложенную стодолларовую купюру и, оставив ее на столике, покинул ресторанный зал.

Уже в гардеробе седоволосого кавказца настиг администратор. Приложив руку к сердцу, начал извиняться, но гость небрежно отмахнулся от него.

– Вах, Шалва, перестань!.. Просто я сегодня не в духе.

Администратор быстро накинул на плечи гостя дорогую итальянскую дубленку, проводил его к выходу, распахнул дверь и, изогнувшись в почтительном поклоне, стоял до тех пор, пока седоволосый не сел в ожидавший его джип «Гранд-Чероки».

Новенький автомобиль темно-зеленого цвета с тонированными стеклами сорвался с места.

Спустя некоторое время темно-зеленый джип, рассекающий фарами вечерний мрак, свернул во двор жилого дома по Большой Сходненской улице. Машина остановилась в нескольких метрах от дверей первого подъезда.

В этот час двор был почти пуст, лишь чуть поодаль, за деревьями виднелась фигура молодого человека, который прогуливался с маленькой кудлатой собачонкой на поводке. Собака вела себя беспокойно, металась из стороны в сторону, оглашая двор визгливым лаем.

– Ладно-ладно, не хочешь гулять – пойдем домой, – недовольно сказал молодой человек и, направившись к первому подъезду, потащил за собой собачонку.

Седоволосый кавказец в накинутой на плечи дубленке вышел из джипа, огляделся по сторонам, на мгновение задержал взгляд на собачнике, наклонился к машине, сказал что-то водителю и захлопнул дверцу.

«Гранд-Чероки» дал задний ход, в последний раз осветив мощными лампами фар невысокую фигуру в желто-коричневой дубленке.

Спустя мгновение, когда машина исчезла со двора, кавказец вошел в подъезд. Шагавший за ним следом молодой человек резко отшвырнул в сторону длинный кожаный поводок, предоставив собачонке свободу. Кудлатый цуцик мгновенно перестал лаять и что было силы рванул прочь со двора.

Молодой человек, отпустивший собаку, с не меньшей решительностью бросился в подъезд. Когда он рванул на себя дверь, седоволосый кавказец уже успел подняться на лестничную площадку первого этажа.

На ходу расстегивая куртку, парень выдернул из-за пояса пистолет «ТТ», снял оружие с предохранителя и навскидку открыл огонь по человеку в дубленке.

Несмотря на то, что кавказец находился на расстоянии нескольких метров, ни одна из выпущенных в него пуль не попала в цель: они кромсали стены, с визгом разлетались по сторонам, рикошетом били по батарее отопления и дверным косякам квартир, расположенных на первом этаже. Одна из пуль пробила выкрашенную грязно-коричневой краской деревянную дверь над «глазком» и влетела в квартиру.

Кавказец, на долю секунды замерший в оцепенении – словно не верил, что в него с такого близкого расстояния промахнулись – бросился бежать по лестнице вверх, на второй этаж. Дубленка мешала ему, и он рывком сбросил ее с плеч.

Неудачливый киллер, громко матернувшись и продолжая беспорядочно палить из пистолета, кинулся вслед за жертвой. Последняя пуля, выпущенная из обоймы его «ТТ», вдребезги разнесла стекло в окне, расположенном на площадке между первым и вторым этажами.

Топот ног, треск выстрелов, визг пуль и звон битого стекла сопровождался отчаянным криком жертвы:

– Спасите! Убивают!

Выстрелы на мгновение прекратились: у киллера кончилась обойма. Он остановился на ступеньках лестницы, судорожно шаря рукой в кармане черных джинсов и пытаясь достать оттуда новый магазин.

Снова заговорил пистолет, но на этот раз выстрелы доносились сверху.

На третьем этаже убегающего кавказца поджидал еще один убийца – такой же молодой, крепко сложенный парень, как и его напарник. Его лицо наполовину скрывал поднятый воротник кожаной куртки, черная вязаная шапочка была надвинута почти на глаза. Он оказался хладнокровнее и точнее коллеги – держа в руке пистолет, спокойно ждал, пока объект не окажется прямо перед ним.

Взбегавший по лестнице кавказец даже не успел понять, что же произошло. Первые две пули прошили ему грудь, окрасив белую сорочку под пиджаком алой кровью. Цепляясь за

перила, он резко пошатнулся, но уже не смог удержаться на подгибающихся ногах. Силы покинули его, он завалился на бок, все еще цепляясь скрючившимися пальцами за прутья перил.

Еще одна пуля попала в лицо жертвы между левой скулой и переносицей. Она прошла, разворотив кавказцу половину лица, а после этого смертоносный кусочек металла вместе с осколками кости проник в мозг, в мгновение ока превратив его в кровавую кашу.

Убийца, маскировавшийся под собачника, наконец перезарядил пистолет и, взбежав по лестничной площадке наверх, едва успел отскочить в сторону, – под ноги ему рухнул съехавший по ступенькам, окровавленный труп.

– Вот сука... – ругнулся незадачливый киллер. – Бегунок, бля, оказался...

– А ты мазила и козел вонючий!.. – с ненавистью бросил ему коллега, спускавшийся по лестнице.

Остановившись над кавказцем, который был уже мертв после третьего пулевого ранения, киллер носком ботинка перевернул его лицом вниз и всадил пулю в затылок.

Кровь брызнула в стороны, выпачкав обоим джинсы и обувь.

– Да на хрена?.. Он уже готов.

– Так надо, вахлак. Вечно я тебе должен жопу подтирать. Выходим!

Они бросились вниз, выбежали из подъезда, пересекли плохо освещенный двор, сели в темные «Жигули», ожидавшие их с потушенными огнями у соседнего дома.

Минуту спустя автомобиль растворился в потоке машин, мчавшихся по широким московским улицам.

* * *

Дежурный наряд милиции появился на месте преступления спустя четверть часа.

Труп лежал в луже крови на лестничной площадке между первым и вторым этажами здания. Рядом на ступеньках валялась измятая дубленка. На желто-коричневой замше явственно виднелся след ребристой подошвы ботинка.

– Вызывай оперов, – бегло осмотрев труп, сказал один из патрульных милиционеров, вооруженный короткоствольным автоматом. – Дело ясное.

В ожидании оперативной группы милиционеры осмотрели подъезд, поговорили с соседями. Наряд вызвала старушка с первого этажа, в дверь которой угодила пуля, выпущенная незадачливым киллером.

– Сначала слышу: дверь хлопнула, а потом еще раз. А потом как начало грохотать... Ой, боже мой!.. – Рассказывая, старушка всплескивала руками и качала головой. – Что тут творилось! Звенело, стучало... Я уж было хотела в дверной «глазок» заглянуть, а тут в дверь как стукнуло, так я на пол в прихожей упала. Подумала, никак соседа убивают...

– Почему соседа? – машинально спросил один из милиционеров, разглядывая дырку в двери.

– Так ведь богатый был, на широкой машине ездил... Да не сам, а с шофером.

– На какой машине?

Старушка смутилась.

– Да не знаю я, как она называется. Тут у нас есть один мужчина на втором этаже, сказал, что вроде как мериканская машина, называется «широкая».

Переглянувшись, патрульные милиционеры рассмеялись.

– Может, «Чероки»? – переспросил один из них. – Джип американский.

– Ой, детки! – опять всплеснула руками старушка. – Почем же мне знать? Я уж так испугалась, так испугалась... Чуть меня не убили. Как стукнуло в дверь, как засвистело над головой... Вон у меня пальто в прихожей на вешалке висит, так оно и вовсе упало.

– С перепугу, что ли? – снова засмеялись милиционеры.

– Вам вот смешно, – с укоризной проговорила бабуля. – А мне эта гадость на кухне банку из-под крупы испортила. Идите вон сами гляньте.

Один из милиционеров остался дежурить на лестничной площадке, другой вслед за старушкой прошел в просторную, хотя и запущенную прихожую, заглянул на кухню. Бабуля продемонстрировала ему большую металлическую банку с большой рваной дыркой в боковой стенке.

Милиционер осторожно, как будто емкость могла взорваться от прикосновения, взял ее двумя пальцами, оглядел дырку, потом поставил банку на стол, снял крышку и запустил руку в перловую крупу, насыпанную до самого верха.

– Есть, – удовлетворенно сказал он через несколько мгновений.

Отряхнув руку от остатков крупы, милиционер переложил в другую ладонь расплюснутый кусочек металла.

– Повезло тебе, бабка, пуля, видно, в стенку ударилась, а потом уже рикошетом в банку. Тут ее крупа и остановила.

В прихожей милиционер осмотрел висевшее на вешалке потертое пальто с каракулевым воротником:

– Это пальтишко, что ли, упало?

– Ага, – закивала старушка. – Я его подняла и на место повесила.

– И что, бабка, ты его даже не разглядывала?

– А что его разглядывать? Я это пальтишко с шестьдесят восьмого года ношу. Новое на мою пенсию не купишь.

Милиционер, посмеиваясь, разглядывал две дырки в полах пальто.

– Теперь понятно, бабка, почему оно упало. Видишь дырки?

– Ох, поганцы! Это ж надо, такую вещь испортили...

– Молись богу, бабуля, что тебя в этом пальто не было.

Милиционер вышел к напарнику на лестничную площадку. Сверху, через перила, выглядывали соседи с вытянувшимися от изумления лицами.

– К трупам не подходить, – грозно вещал милиционер. – Со всеми поговорят. Ну, что там? – повернулся он к коллеге.

Тот продемонстрировал сплюснутую пулю и объяснил:

– Пробила дверь, в двух местах пальто в прихожей, рикошетом ушла на кухню и застряла в банке с крупой. Оттуда я ее и достал. Будет вещдок для оперативников.

– Да тут вещдоков – вона... – напарник махнул рукой. – Гильзами половина подъезда засыпана...

– Я слышала, как он кричал: убивают, на помощь, – напomniaла о себе старушка с первого этажа. – Только ума не приложу, чего он к себе домой не побежал?

– Чего тут думать, бабулька? Времени у него не было ключом в замке копать. Бежал, куда глаза глядят.

Прибывшая на Большую Сходненскую оперативная бригада МУРа по документам, найденным в кармане убитого, установила, что погибшего звали Гурамом Каллистратовичем Цандерашвили. Судя по паспорту, выданному двенадцатым отделением милиции города Москвы, Цандерашвили родился четырнадцатого мая тысяча девятьсот сорок второго года в грузинском городе Зестафони. Последним адресом прописки значилась Большая Сходненская улица.

В карманах одежды обнаружили, кроме паспорта, разбитый мобильный телефон «Эриксон», пробитую пулей и залитую кровью записную книжку в кожаной обложке, сломанную авторучку «Паркер» с золотым пером стоимостью около пяти тысяч долларов, наличную валюту в размере пятисот двадцати долларов США и целую россыпь визитных карточек с именами известнейших людей столицы. Среди них были визитные карточки одного знаменитого певца, нескольких банкиров и чиновников высокого ранга.

Несколько визиток принадлежали самому убитому. На них Гурам Каллистратович Цандерашвили значился заместителем генерального директора товарищества с ограниченной ответственностью «Риони».

Вокруг тела Цандерашвили на лестничных площадках и ступенях было обнаружено двенадцать стреляных гильз от патронов калибра 7,62 миллиметра бутылочной формы. А также множественные следы от пуль на стенах подъезда.

Для опытных оперативников Московского уголовного розыска картина стала совершенно ясна.

Судя по гильзам, использовался «народный» пистолет «ТТ». Но киллеры – опрос показал, что их было, по меньшей мере, двое – оказались плохо подготовленными профессионально. Убитый получил лишь четыре пулевых ранения, причем одно уже после смерти – это был контрольный выстрел в голову с близкого расстояния.

Они не бросили засветившееся оружие, как это обычно делают профессионалы, исполняющие заказные убийства. Что это «заказуха», стало очевидным после осмотра карманов убитого. Обыкновенные грабители едва ли оставили бы в карманах жертвы крупную сумму в валюте. На дубленке потерпевшего, а также на ступеньках остались следы обуви.

Но наибольший интерес сыщиков вызвали даже не улики, оставленные преступниками. А сама личность жертвы.

Гурам Каллистратович Цандерашвили в милицейских картотеках значился коронованным по всем правилам вором в законе по кличке Гурам. В последнее время Гурам, принадлежавший к членам грузинского клана, занимался нефтяным бизнесом и вел спокойный, размеренный образ жизни. Он был вором старой закалки и неоднократно высказывался против коронования в законники не за совокупность заслуг, а за деньги.

Гурама считали одним из последних романтиков воровского мира.

Глава 6

На площади рядом с кинотеатром «Мир» в Запрудном гроыхнул фейерверк, осветив темное ноябрьское небо сотнями рассыпающихся разноцветных звезд. Устройства для пиротехнических эффектов были установлены на заднем дворе кинотеатра. Сполохи ярких огней вызвали восторг у публики, собравшейся на ступеньках у дверей открывающегося казино «Золотой дукат».

На площади толпились горожане, привлеченные сюда не только возможностью поглазеть на распускающиеся над головой огненные цветы, но и бесплатным пивом, которое со специальных лотков с символикой казино раздавали розовощекие девчонки в стилизованных гусарских ментиках ярко-красного цвета, с аксельбантами на груди, в высоких киверах, обтягивающих белых трико и элегантных сапожках.

Закончив раздачу пива, девочки в гусарских костюмах с четкостью, достигнутой долгими тренировками, заняли свои места на ступеньках кинотеатра. Чуть выше уже выстроился духовой оркестр, и по взмаху тамбурмажора в вышитом галунами красном кителе грянул торжественный марш.

Под непрерывные вспышки фейерверка и грохот разрывающихся в небе ракет, звуки марша и крики толпы оркестр совершил дефиле по площади. Впереди, задорно улыбаясь, энергично вытанцовывали девушки-мажоретки.

Константин Панфилов стоял на ступеньках среди гостей и, засунув руки в карманы идеально отутюженных брюк, сдержанно улыбался. Вообще-то идея с фейерверком, духовым оркестром, юными мажоретками, бесплатной раздачей пива и прочими сюрпризами принадлежала не ему.

Сам он намеревался устроить что-то вроде торжественного вечера в помещении казино, пригласить хороших джазовых музыкантов в память о своем погибшем друге Артуре – большом поклоннике этого музыкального жанра – и под негромкую музыку провести время в приятном общении. Но младший брат Константина, Игнат, узнав об этой идее, шумно высмеял ее.

– Старшой, ты джаз-клуб собираешься открывать или все-таки игорный дом? У нас, конечно, город небольшой, но от Москвы, между прочим, не так и далеко. Тебе с первого дня нужно заявить о себе громко и помпезно. Ты на какую публику рассчитываешь? Кто к тебе в казино ходить будет? Голытьба какая-нибудь или люди при деньгах?..

– По-твоему, джаз слушает голытьба? – снисходительно смеялся Константин в ответ на бурные высказывания младшего брата.

– Да какого черта ты, вообще, привязался к этому джазу?! – горячился Игнат. – Где ты им увлекся, в Афгане, что ли, или на зоне?..

При упоминании о некоторых страницах своей биографии Константин хмурился. Такое было позволено лишь единственному оставшемуся у него родному человеку – младшему брату. Но и ему не стоило злоупотреблять родственными чувствами. Игнат, впрочем, и сам понимал, что переборщил.

– Извини, старшой, но я серьезно говорю. Даже не потому, что мне джаз не нравится. Не люблю я эту музыку, не понимаю... Ладно, фиг с ней... Просто, понимаешь, есть законы жанра: хочешь, чтобы люди в твоём игорном доме весело расставались с деньгами, – устрой им праздник. Сразу устрой, с самого начала... На открытие ведь соберутся не только те, которых ты пригласил, но и просто зеваки. На что им еще посмотреть в нашем городе? Раньше хоть демонстрации какие-то были...

– Тебя в детстве этими демонстрациями замучить не успели, так и помалкивай.

– Да не злился ты, это я так, к слову. Ты же на выборы выставлялся? Выставлялся. Обещал, что у людей жизнь легче станет? Обещал.

– Выборы отменили.

– Их же не насовсем отменили. Ты должен вести себя так, как будто твоя предвыборная кампания продолжается. Она же на самом деле продолжается. Народ должен увидеть, что тебя сломать не удалось, что ты продолжаешь думать о нашем городе и его жителях. Помнишь, что в Древнем Риме граждане требовали от императоров? Хлеба и зрелищ...

– Я не император.

– Знаю, – убежденно говорил Игнат. – Ты – Константин Панфилов. Ты – человек, который знает себе цену.

– Цену-то я себе знаю, только скоро денег не останется, чтобы этой цене соответствовать.

– Да что ты заладил одно и то же? Денег нет... Выборы отменили... Русский ты или нерусский? Однова живем! Сними с себя последние штаны и сделай людям красиво.

– А, может быть, с тебя сначала штаны снять и выпороть как следует?

– Ну, можешь выпороть, – безапелляционно заявлял Игнат. – Только городу от этого веселей не станет.

– Почему же? – возражал Константин, едва сдерживая улыбку. – Собрать всех на площади, поставить помост, прилюдно содрать с тебя штатовские джинсы и врезать по мягкому месту березовыми прутьями... Да еще в соленой водичке их вымочить. Вот это будет джаз!..

В общем, после долгих пререканий Константин уступил-таки младшему брату. В конце концов, деньги – дело наживное. Сегодня пожалеешь в бизнес лишний рубль вложить, завтра в сто раз больше потеряешь.

Пусть все знают, что в Запрудном открылось богатое казино. Пусть говорят, что время не то, что гужевать не стоит, что у народа денег мало... А когда же оно наступит – «то» время? Когда денег будет слишком много?

Кстати, из разговоров с Игнатом Константин почерпнул еще одну идею: есть казино для богатых, есть – для очень богатых. А кто догадался открыть игорный дом для тех, кто еще не успел обзавестись собственным «шестисотым» «мерсом» и трехэтажным особняком со спутниковой антенной на черепичной крыше? Кто сказал, что небогатые люди менее азартны? В душе у каждого, будь то владелец собственного автосалона или страховой агент, живет игрок.

Клиенты побогаче пусть тратят деньги в казино «Золотой дукат», где у входа их будут встречать швейцары с золотыми галунами или длинноногие девчонки в коротких юбках, где можно делать крупные ставки, пить дорогие вина и коньяки, пускать пыль в глаза себе подобным.

Для тех же, кто в запросах поскромнее, можно открыть уютный зал с демократичными напитками, например, пивом по доступным ценам, с простыми играми, понятными даже детям. Пусть ставка будет небольшой, а конечная цель розыгрыша – вполне солидной... Например, машина... Почему бы и нет?

Но это уже позднее. А пока...

Пока на площади перед казино маршировал духовой оркестр, небо озарялось сотнями ярких вспышек, граждане попроще наслаждались дармовым пивом, приглашенные на открытие гости пили шампанское, которое разносили миловидные официантки.

Наконец звуки духового оркестра затихли, музыканты и юные мажоретки выстроились перед зданием кинотеатра, которое по торжественному случаю было украшено гирляндами из разноцветных лампочек, словно новогодняя елка.

Под непрекращающиеся звуки и вспышки фейерверка на площадь перед казино, пробиваясь через веселящуюся толпу, проехали две открытые брички. В запряженных белыми холеными жеребцами экипажах сидели полторы дюжины цыган. Курчавые мужчины в ярких, цветастых рубашках, шароварах навыпуск до крови сбивая пальцы, наяривали на гитарах.

– Эй! Ромалэ!.. – разносилось над площадью. – Громче давай – сзади не слышно!..

Цыганки в цветных платках и шaliaх, пышных платьях, до пояса увешанные блестящими монистами, что было мочи голосили и лупили в бубны.

– «Эх, раз! Да еще раз! Да еще много-много раз!..»

Цыгане выгрузились из бричек у ступеней кинотеатра с песнями и плясками, двинулись в широко распахнутые стеклянные двери.

На шее у Панфилова повисло юное горбоносое создание, которое громко завывало ему прямо в ухо:

– Дай, касатик, в губы поцелую!

Панфилов едва оторвал от себя липучую цыганку, подтолкнув ее к двери.

– Давай, чавэла, внутрь иди...

– Ай, нанэ, нанэ!.. – заверещала молодая цыганка и, двинувшись в ярко освещенное фойе, затряслась в оргазмическом танце.

Прежде чем отправиться вслед за цыганами и гостями в теплые холлы и залы казино, Жиган бросил взгляд на жеребцов изумительной красоты. Этих чистокровных орловских рысаков Жигану выделил для торжественной церемонии конно-спортивный комплекс «Заря». Принадлежали же лошади одному из владельцев комплекса Валерию Тенгизовичу Кучуберидзе. Панфилову он был известен как Валера Кутаисский. Несколько месяцев назад их познакомил на своем юбилее давний друг Панфилова Артур.

Лошади стояли в нескольких метрах от Жигана, нетерпеливо перебирая копытами. Чистые, ухоженные, с аккуратно расчесанными и туго заплетенными хвостами, они являли собой образец совершенства, которого может достичь только мать-природа.

Жиган долго не мог отвести от них глаз. Наконец кто-то подхватил его под руку и потащил к двери. Это был младший брат.

– Пошли, Костя, тебе надо ленточку перерезать. Гости толпятся, уже негде ногу поставить.

Администратор казино, он же ответственный за проведение церемонии открытия, оказался рядом и сунул Константину в руки громадные до нелепости ножницы. Этого юркого, пронырливого малого с подвижным словно на ниточках лицом и хитрыми черными глазами где-то откопал главбух панфиловской фирмы Виктор Сергеевич Шевченко.

Фамилия администратора вполне соответствовала его внешнему облику. Звали его Леонидом Мурашко. По словам Шевченко, мозги в голове у Лени Мурашко работали не хуже калькулятора, и мыслил он только цифровыми категориями, а именно такой человек должен вести дела в игорном доме. Леня когда-то работал в горпищеторге, а начинал свою трудовую деятельность простым официантом.

– Воровать будет, – убежденно сказал Панфилов своему главбуху, познакомившись с некоторыми данными в трудовой биографии Лени Мурашко.

– Будет, – признал Шевченко. – Но только в том случае, если ты разрешишь. Дай ему один процент, он сверх меры не возьмет. Зато будет накрепко к тебе привязан.

– А кто же, кроме него, будет знать, сколько это – один процент? – усмехнулся Панфилов. – Ладно, мои проблемы.

Как бы то ни было, учитывая сложившиеся обстоятельства, Леонид Мурашко был, выражаясь политическим языком, безальтернативной кандидатурой, а на поиски других времени не оставалось.

Леня оказался неплохим организатором. Практически вся подготовка церемонии открытия «Золотого дуката» легла на его плечи. Цыганский ансамбль он нашел в известном московском ресторане, полубезработных пиротехников – на «Мосфильме», оттуда же привез в закрытой фуре две брички, которые в свое время использовал Эльдар Рязанов на съемках фильма «Жестокий романс». Духовой оркестр Леня отыскал поближе, в соседнем, по меркам области, городе Фокино.

Пока у Панфилова не было оснований для недовольства работой администратора казино. Едва Константин взял в руки ножницы, как гости шумно зааплодировали.

– Речь! – слышались возгласы. – Речь!..

Леня Мурашко подскочил к цыганам, продолжавшим изо всех сил горланить разудалую песню, и замахал руками. Песни и пляски тут же прекратились, звон гитар и бубнов затих.

Панфилов почувствовал на себе внимание десятков людей. Надо было что-то сказать, но, как на грех, слова вылетели из головы. Пауза затягивалась до неприличия долго.

Улыбаясь, Константин сделал радушный жест руками.

– Добро пожаловать в казино «Золотой дукат»! Надеюсь, вам здесь понравится! – сказал он и, обернувшись, разрезал ленточку ножницами.

– А как же речь? – удивленно протянула какая-то дамочка в платье кроваво-красного цвета с ослепительно глубоким вырезом на груди.

– Речей не будет, – обезоруживающе улыбнулся Панфилов. – Прошу к столу...

В большом, со вкусом отделанном зале под громадными хрустальными люстрами стояли покрытые зеленым и красным сукном столы для игры в карты, кости и рулетку. Рулетка, конечно, располагалась в центре.

За столами стояли нервничающие крупные. По двое у каждого стола: молодой человек и девушка, оба в красных форменных жилетах с вышивкой на груди «Казино „Золотой дукат“», белоснежных рубашках или блузках, черных галстуках-бабочках.

Правую сторону зала занимала барная стойка. За спиной двух барменов, которые деловито перетирали стаканы, и без того сверкающие чистотой, возвышались батареи разнокалиберных бутылок. Сегодня, по случаю открытия, у дальней стены зала был установлен шведский стол, ломившийся от закусок. Официанты разносили на подносах бокалы с шампанским, толстостенные стаканы с шотландским виски, маленькие пузатые рюмки с коньяком.

Не успела разрезанная пополам ленточка упасть на покрытый ковролином пол «Золотого дуката», как гости шумной гурьбой рванули к шведскому столу. Одновременно грянул духовой оркестр и заголосили цыгане. Поднялся невообразимый гам.

Панфилов остался стоять у входа, как одинокий островок посреди бурной реки.

Неподалеку суетился администратор. Словно пытаясь догнать убегающий поезд, он кричал сзади, через спины гостей:

– Угощайтесь, друзья, угощайтесь! Не надо торопиться, всем хватит!

Бутерброды с черной икрой были сметены в мгновение ока. Та же участь, но с некоторым опозданием, постигла бутерброды и с красной икрой. Поглядывая на некоторых оригиналов, умудрившихся за один присест затолкнуть в рот по три бутерброда, Панфилов грешным делом подумал, что они специально не ели целый день, чтобы как следует подкормиться на дармовщину.

И ведь не самые бедные граждане здесь собрались! Вон тот лысый толстяк, ниже пояса напоминающий колокол, – директор райпотребсоюза, по слухам вор первостатейный, разъезжает по городу на новеньком «СААБе». Вот этот маленький, коренастый – председатель одного очень хитрого кооператива. На вид – ничего особенного, а ворочает очень крупными деньгами. Или вот еще один... Директор местного отделения «Промстройбанка» Маркелов – солидный, представительный мужчина, одну рюмку коньяка за другой глотает. Впрочем, цену солидности Маркелова Константин знал хорошо – обычная кинелевская «шестерка», хоть и откормлен как боров.

Опять кто-то повис на руке у Жигана. Он уж было подумал, что горбоносая цыганка снова будет просить его о поцелуе.

Это была молодая особа, но вовсе не цыганка. Платиновая блондинка в черном брючном костюме с демонстративно преувеличенным вниманием заглядывала ему в глаза.

Константин поднял свободную руку вверх.

– Хорошо, сдаюсь.

Она шутливо погрозила ему пальцем.

– Вот так бы сразу.

– Просто у меня от этих оркестров, фейерверков и цыган уже мозги набекрень. Надо сделать передышку.

– Где мы можем поговорить?

– Кабинет администратора подойдет?

– А там можно поставить свет и камеру, чтобы объектив нормально брал?

– Можно без камеры, хотя бы для первого раза? Я вообще это слово не люблю.

– А почему? – Она широко раскрыла свои и без того громадные и – надо признать – очень красивые, глаза.

– Есть такой грузинский анекдот: «Гиви, ты помидоры любишь?» – «Кушать лублу, а так нет...»

– Я знаю этот анекдот, – криво улыбнулась блондинка. – Но вы мне не ответили. Хорошо, оставляю это на вашей совести. В первый раз мы действительно можем обойтись без видеокамеры. Пусть оператор пока снимает общие планы.

Кабинет администратора располагался на втором этаже. Пройдя по устлавшей широкую лестницу ковровой дорожке, Панфилов и его спутница свернули в узкий проход в стороне от зрительного зала и оказались в небольшой комнате с окном, выходившим на городской парк.

Обстановка в кабинете была вполне представительной: дорогая офисная мебель, каждый гарнитур, факс с автоответчиком, окно, закрытое жалюзи.

Сам хозяин кабинета еще на лестнице настиг Панфилова и его гостью. Узнав, что они намереваются некоторое время провести в его кабинете, Мурашко деликатно потупил бегающие глазки.

– Вам что-нибудь принести? – поинтересовался он.

– Две чашки крепкого кофе.

Пожелание было исполнено с завидной оперативностью и, не успев Панфилов занять место за столом, а телевизионная дама – на мягком кожаном диване – как в дверь постучали. Мурашко собственноручно принес на подносе две чашки кофе, две рюмки коньяка, две пачки «Мальборо», зажигалку «Зиппо» и пепельницу.

Увидев этот набор, Панфилов подумал: «Видна официантская выучка».

Вслух же спросил:

– Почему пепельница только одна?

– Вторая – у меня в столе, – лстиво улыбнулся Мурашко. – Откройте верхний ящик.

Хмыкнув, Константин открыл стол и достал пепельницу.

Администратор расставил напитки и удалился.

– Я буду неподалеку, – сказал он, закрывая дверь. – Если понадобится – зовите.

Когда он ушел, Константин отпил из фарфоровой чашечки кофе, достал из кармана «Кэмел» и прикурил, щелкнув собственной зажигалкой.

– А почему вы?.. – поинтересовалась тележурналистка.

– Предпочитаю собственные, – не дожидаясь окончания вопроса, ответил Панфилов.

– А... – неопределенно протянула Филатова и, немного поколебавшись, опрокинула в рот рюмку коньяка.

– Надо согреться, – не глядя на Константина, сказала она. – Замерзла, пока на ступеньках стояла, на цыган ваших смотрела.

– Они не мои, – спокойно сказал Панфилов и демонстративно отодвинул от себя рюмку.

– А вы что же, не пьете? – поинтересовалась блондинка, прикуривая «Мальборо». – Я хотела сказать, совсем не пьете?

– Сейчас не хочу. Вы собирались меня о чем-то расспросить.

Блондинка глубоко затянулась и манерно откинула руку с зажатой между пальцами сигаретой.

– Мне показалось, мы можем сразу перейти на «ты»... – полуутвердительно-полувопросительно сказала она.

– Это что-то меняет?

– Мне кажется, вы как-то излишне напряжены. – Она смотрела на новоиспеченного владельца казино, не сводя с него глаз.

Панфилов промолчал.

– Откуда у вас шрам на лице?

– Это очень важно для телевизионного интервью?

– Да, – твердо сказала она.

– А который именно вас интересует? У меня не один...

– Вот как? Я не заметила.

– Плохо смотрели.

Филатова чуть прищурила глаза.

– Это враждебность или равнодушие?..

Константин и сам не понимал, в чем причина его внезапно переменившегося настроения. Может быть, в какой-то момент ему показалось, что эта столичная особа, несомненно хорошо знающая себе цену, пытается за профессиональным интересом скрыть нечно другое.

«Догадайся с трех раз», – подумал он, заполняя паузу глотком густого горячего напитка.

– Ну что ж, не хотите сообщить мне подробности вашей биографии, не буду настаивать.

Пожав плечами, она тоже взяла чашечку кофе.

– Я ведь все равно многое узнаю и без вашей помощи. Кое-что мне уже известно...

– Например?

– Вы баллотировались на пост главы городской администрации под лозунгом: «Сильным – работу, слабым – заботу».

– Ну и что?

– Это говорит о многом. Вы – человек, уверенный в своих силах, обладающий немалыми возможностями и не останавливающийся на достигнутом. На вашем месте многие были бы вполне довольны судьбой и не высовывались. Зачем вешать на себя груз ответственности за целый город? Если есть деньги, гораздо проще жить в свое удовольствие, тратить на развлечения...

– А кто вам сказал, что у меня есть деньги?

– Ну как же?.. – опешила телевизионная дама. – А все это – цыгане, духовой оркестр, казино?..

– Это такое же дело, как хлебопекарня или магазин. Нужно вложить деньги и работать, работать, работать...

– Ловлю вас на слове, Константин Петрович. Так вот, насчет денег... Ведь вы много потратили, для того чтобы открыть это казино?

– Определенную сумму...

– Это ваши личные деньги или капиталы фирмы?

– Какая разница?

– Интересно...

– Пусть это вас не волнует, – отрезал Панфилов и тут же пожалел о своей резкости.

Журналистка часто-часто заморгала, словно пытаясь сдержать слезы, грозившие испортить ей макияж.

– Извините, – чуть нахмурившись, произнес Константин. – Я хотел сказать, что это... В общем, все это – скучно.

Филатова медленно допила кофе и отставила опустевшую чашечку на черную тумбу, стоявшую рядом с диваном.

– Фамилия у вас какая-то знакомая, – невпопад сказал Панфилов.

Ему показалось, что тележурналистка вздрогнула, но голос ее прозвучал безразлично:

– Конечно, я ведь на телевидении работаю.

– Только у нас в городе ваш канал не идет.

– В Москве могли видеть...

– Да, – запнулся он. – Может быть... Вам такая телекомпания – «ТВ-город» – незнакома?

– В Москве много телекомпаний... Нет, не слыхала... А что?

– Так, ничего... Беседа стала увядать сама собой. Константин внезапно понял, что его так раздражает: целый день он ждал звонка Татьяны, женщины, которая всегда приходила ему на помощь в трудную минуту, которую он до сих пор любил, возвращения которой так ждал и так на него надеялся. Он хотел, чтобы она приехала хотя бы на день. До самого последнего момента ждал. Ведь бывают в жизни сюрпризы?..

А вместо нее объявилась вот эта дамочка платинового окраса. Она, конечно, красивая, несомненно, красивая. Может быть, какой-нибудь фотограф из «Плейбоя» почел бы за честь запечатлеть ее на своих снимках. Но не было в ее глазах тепла и сочувствия, как у Татьяны. Такие, как Филатова, его не интересовали. Эта телевизионная фифа липла к нему, словно мокрая рубашка к телу.

Потом, если разобраться, не любил он легких побед. Было в этом что-то унижительное, как будто ворует яблоки, выращенные чьей-то заботливой рукой в чужом саду.

Тягостное молчание нарушил торопливый топот за дверью. Спустя мгновение без предупредительного стука в кабинет влетел администратор «Золотого дуката».

Запыхавшийся Мурашко выкрикнул с порога:

– Константин Петрович, у нас драка!

Глава 7

- Что там у вас приключилось?
- Я же говорю, Константин Петрович, драка!
- Конкретно?
- Один из гостей перепил и начал буянить.

Панфилов решительно встал из-за стола и направился к двери. Тележурналистка мгновенно затушила недокуренную сигарету и вскочила с дивана.

- Я с вами.

«Репортеры – профессия специфическая, хлебом не корми, дай только попристутствовать при каком-нибудь скандале, а если это еще сопровождается мордобитием, да рядом видеокамера... И откуда она только взялась, эта столичная дамочка? Кто ее приглашал? Надо будет выяснить это у Мурашко, но потом...» – подумал Константин.

– Надеюсь, ваш оператор ничего не успел снять, – бросил Константин, спускаясь по лестнице.

- Надеюсь, успел, – парировала Филатова.

Внизу, в игорном зале, никаких видимых глазу перемен не произошло. Гости, потягивая шампанское и коньяк, группами стояли у игровых столов, прогуливались в проходах, разговаривали, смеялись. За несколькими столами шла игра. Особенно много было желающих испытать свою удачу в рулетку.

Выделялась одна пара: дама в серебристом вечернем платье на тонких бретельках с гроздьями золотых цепочек на шее, ухоженная, красивая брюнетка лет тридцати, и ее спутник – полный, седоволосый, лет шестидесяти. Они азартно ставили на «двадцать одно» и раз за разом проигрывали.

Панфилов, остановившись на ступеньках, внимательно осмотрел зал и с недоумением обратился к сопровождавшему его администратору:

- Леня, где, какая драка?..

Тот непонимающе пожал плечами.

– Не знаю, только что была. Я сразу к вам кинулся, Константин Петрович. Вон там, возле стола с рулеткой. Там был один молодой человек, но сейчас... Но сейчас я его не вижу.

Панфилов заметил, как к нему, лавируя между гостями, направляется начальник службы охраны казино. Высокий, широкоплечий молодой человек в строгом черном костюме с темными коротко стриженными волосами. Игорь Надеждин – а именно так звали начальника службы безопасности казино «Золотой дукат» – пришел из охранным агентства «Витязь». Оттуда же, из «Витязя», вместе с Надеждиным пришли на работу в казино пятеро охранников: тренированных, хорошо подготовленных ребят, отслуживших срочную.

С Надеждиным Константин познакомился недавно, но руководитель охранным агентства «Витязь» дал Игорю отличную рекомендацию. С ребятами из этого охранным предприятия работал трагически погибший начальник службы безопасности фирмы «Лидер», близкий друг Панфилова Владимир Семенков. Именно с их профессиональной помощью удалось докопаться до причин происшествий, взбудораживших Запрудный несколько месяцев назад.

– Есть разговор, Константин Петрович, – сказал Надеждин, подходя к Панфилову. – У нас произошел неприятный случай.

- Теперь все в порядке?
- Да.
- Поднимемся наверх.

Уже шагая по лестнице, Панфилов обернулся к Филатовой:

– Надеюсь, телевидение не станет возражать, если мы с моим сотрудником поговорим без протокола?

– То есть без моего участия?

– Да.

– Разумеется. Что может сделать слабая женщина?

Тележурналистка разочарованно отвернулась.

– Мы потом еще поговорим с вами, – добавил Панфилов, словно извиняясь.

Но она уже не слышала его, спускаясь в игорный зал.

Панфилов и Надеждин вернулись в кабинет администратора, и здесь главный секьюрити рассказал Константину о случившемся.

* * *

Вечер складывался для Виктора Романчука более чем неудачно.

Мало того, что сорвалась выгодная сделка с крупной партией медикаментов (чтобы успокоиться, принял сто грамм коньяку), так еще какой-то молодой гаишник тормознул его темно-синий «Вольво» за перекрестком неподалеку от здания горисполкома. Можно было, конечно, не останавливаться – в родном городе Виктор почти никого не боялся.

Но этот соплик с сержантскими лычками на погонах так отчаянно замахал полосатым жезлом, кинувшись прямо под колеса, что волей-неволей Романчуку пришлось резко надавить на педаль тормоза. Двигатель шведской машины, не привыкший к такому резкому обращению, естественно, заглох. Это еще больше разозлило Романчука.

С разъяренным видом он выскочил из машины и, не дожидаясь, пока гаишник по всем правилам приложит руку к ушанке и представится, заорал на него:

– Ты чего, придурок?.. Ты куда лезешь?.. Жить, что ли, надоело?.. А если б у меня тормоза отказали?

Сержант, увидев перед собой откормленного молодого человека в зеленом пиджаке, с дорогими золотыми часами на запястье, опешил от такой наглости. Его раскрасневшееся от долгого дежурства на холодном ноябрьском ветру лицо вытянулось.

– Ну, чего стал как пень? – наседали на него Романчук. – Чего надо?

– Вы... Вы нарушили правила.

– Что? Какие правила?

– Вы проехали на красный свет, – неуверенно проговорил сержант, показывая жезлом в сторону светофора.

– Какой «красный свет»?.. – грубо расхохотался владелец «Вольво». – Ты чего, гаевый, дальтоник? Я никаких правил не нарушал.

– П... попрошу ваши документы, – заикаясь проговорил милиционер.

За свою недолгую службу он впервые сталкивался с таким откровенным хамством водителя, грубо нарушившего правила дорожного движения. Ведь этот темно-синий лимузин полминуты назад совершенно откровенно проехал на запрещающий знак светофора.

– Ах, тебе документы!.. – издевательски произнес Романчук. – На! Посмотри на мои документы!

Он расстегнул пиджак, продемонстрировав прикрытое белой рубашкой пивное брюшко, выдернул из внутреннего кармана водительское удостоверение и помахал им перед носом гаишника.

– Видел? Больше не увидишь. Вали в свой «жигуленок» и сиди там тихо, чтоб я твоего кашля больше не слышал!

– Да вы... – задохнулся от возмущения сержант. – Да вы... Я вынужден вас задержать!

– Ты что, не знаешь, кто я такой? – Романчук схватил милиционера за отворот форменной куртки и притянул к себе. – Ты что, с луны свалился, мудака долбаный?

– Как вы смеете? Уберите... Убери руки! – затрепыхался милиционер.

– Я – Романчук. Понял? Видишь? – Он показал сержанту на поясной ремень, где висел футляр с торчавшей из него антенной мобильного телефона. – Я сейчас позвоню городскому прокурору Лукьянову, и ты, засранец сопливый, пулей вылетишь из своей ментовки за превышение служебных полномочий!.. Пойдешь со своим трехклассным образованием на дядю горбатиться. Понял?

Но тут сержант-гаишник напрягся, учуяв явственный запах спиртного.

– Да ты пьяный! – ошеломленно проговорил он.

– Не твоё собачье дело! – рявкнул напоследок Романчук и, пока сержант ошеломленно хлопал глазами, отшвырнул его от себя словно куклу.

Усевшись за руль «Вольво», он запустил двигатель и помчался по улице. Только шипы отчаянно завизжали.

Измученный и возмущенный до глубины души гаишник проводил темно-синий лимузин обалдевшим взглядом, а потом бросился к служебным «Жигулям», прыгнул на сиденье и схватил микрофон рации.

– Седьмой, Седьмой! Я – Пятый. Слышишь меня? Седьмой, Седьмой...

– Ну, слышу, Пятый... Чего орешь как оглашенный? – прохрипела в ответ рация.

– Это ты, Седьмой?

– Ну, я – Седьмой, я...

– Надо срочно задержать машину. Водитель злостно нарушил правила.

– Какая машина-то?

– «Вольво». То ли 940, то ли 960, темно-синяя. Госномер... Черт! Не успел запомнить...

Стекла там еще тонированные...

Рация некоторое время молчала, потом Седьмой назвал номер и марку машины «Вольво-960».

– Точно-точно, – оживился молодой гаишник. – Она самая...

– Ты его останавливал? – озабоченно спросил Седьмой.

– Ну да, штрафануть хотел за проезд на красный свет. У него вообще права отобрать надо, он пьяный, руки распускал, угрожал.

– Документы проверил?

– Да как тут проверишь? Он корками какими-то помахал перед носом, и все.

– Здоровая такая будка, да?

– Ну, морда как у хряка. Сказал еще, что его фамилия – Романчук.

– А-а... – протянул Седьмой. – Не буду я его трогать и тебе не советую связываться.

– Как это?

– Ты еще новенький, не знаешь. Этот Романчук, бля, сильно деловой, а его папаша – лучший друг городского прокурора. Даже наш начальник перед ним на полусогнутых ходит. Так что давай, Пятый, паси лучше «жигулятников», а про этого козла забудь – он тебе не по зубам.

– Да, но он же... – чуть не захлебнулся от негодования сержант. – Он же пьяный был за рулем, он же ко мне драться лез, за форму меня хватал... Я же при исполнении!..

– Все, Пятый, кончай базарить в эфире! Конец связи...

* * *

Подъезжая к площади перед кинотеатром «Мир», Виктор Романчук сбросил газ и при тормозил.

Над площадью разносилась громкая музыка из выставленных на улицу динамиков. Несмотря на холод ноябрьского вечера, народу на площади собралось – не протолкнуться.

– Дискотека, что ли? – скривился Романчук, презрительно поглядывая на толпу.

Потом он разглядел над входом в кинотеатр сверкающую разноцветными неоновыми огнями надпись: «Казино „Золотой дукат“ и, что-то вспомнив, начал шарить по карманам. Наконец нашел конверт, достал из него прямоугольник вдвое сложенного картона, развернул и прочитал надпись, тисненную крупными золотыми буквами: „Приглашаем на открытие казино „Золотой дукат“. Конверт в офисе сунула Романчуку секретарша, сказав, что курьер принес с утра какое-то приглашение.

«Может, пойти оттянуться? – подумал Романчук. – А то настроение совсем паскудное. Еще этот мент ублюдочный... Может, какую клевую телку подцеплю?..»

Он уверенно припарковал машину под знаком «Остановка запрещена» на противоположной стороне площади, вышел из автомобиля и, как был в расстегнутом пиджаке, направился к кинотеатру. Отойдя на несколько метров, он поднял руку с зажатыми в ней ключами от машины и нажал на кнопку брелока сигнализации. «Вольво» ответил мелодичным звуковым сигналом и мигнул фарами.

За закрытой стеклянной дверью стояли двое крепких секьюрити в отлично сшитых пиджаках. Под одеждой угадывались такие формы, что могли бы позавидовать любые Сталлоне со Шварценеггерами.

Романчук продемонстрировал им через стекло пригласительный билет – охранники тут же открыли дверь и пропустили гостя внутрь.

Из-за спин секьюрити немедленно выплыли три симпатичные девочки с боевой раскраской на лицах, в одинаковых форменных красных костюмчиках. Одна из них держала в руках поднос с шампанским.

Другая с ослепительной улыбкой произнесла без запинки словно заученный текст:

– Здравствуйте, добро пожаловать на открытие нашего казино! Проходите, пожалуйста, мы очень рады вас видеть!

Не удостоив их даже взглядом, Романчук взял с подноса бокал шампанского, залпом выпил и поставил бокал на место. Обведя веселившихся гостей самодовольным, презрительным взглядом, он медленно направился через фойе к игорному залу.

Романчук на несколько минут опоздал к церемонии открытия и потому не видел, как хозяин казино Панфилов разрезал огромными ножницами красную ленточку.

Перед носом Романчука, чуть не сбив его с ног, промчался какой-то вертлявый тип с подносом, на котором стояли две чашки дымящегося кофе, лежали сигареты и еще какая-то ерунда.

– Извините, – на ходу буркнул тот.

– Глаза разуй, мудило, – ругнулся Романчук.

Рядом вырос официант с подносом, уставленным маленькими пузатыми рюмками.

– Коньяку не желаете?

Перед коньяком Виктор Романчук никогда не мог устоять. Он мгновенно опрокинул рюмку в рот, почувствовал, что коньяк хороший, и добавил еще одну.

Настроение стало улучшаться. Он направился к столу с рулеткой, вокруг которого собралась небольшая толпа. Крупье – подтянутый молодой человек в красной форменной жилетке – объяснял правила игры. До Романчука долетали обрывки фраз.

– Господа, ставка на «номер» составляет пять тысяч рублей, на «шанс» – сто тысяч рублей... Повышенные ставки, господа, на «номер» – пятьдесят тысяч рублей, на «шанс» – один миллион рублей... Все очень просто, господа. Я запускаю рулетку, бросаю шарик, но сегодня, в день открытия, честь бросить шарик предоставляется игрокам. Итак, первый розыгрыш, гос-

пода... Самый первый розыгрыш в нашем казино. Делайте ваши ставки, господа! Первому выигравшему на нашем столе, вне зависимости от ставки – приз в десять миллионов рублей.

Гости возбужденно загудели и засуетились.

– Господа, – провозглашал крупье. – Сегодня, в честь открытия, игра по упрощенным правилам. Никаких фишек... Наличные деньги – наличные выигрыши! Делайте ваши ставки, господа!

На стол полетели разноцветные купюры.

– Я ставлю на первый номер...

– А я на тринадцатый... – слышались голоса.

– А на «зеро», «зеро» можно?..

– Сегодня все можно, господа! Сегодня в нашем казино хозяева вы, господа!

– Тогда ставлю на «зеро»! – выкрикнула дамочка в серебристом вечернем платье.

Романчук придвинулся поближе к дамочке. Под действием коньяка в нем начала бурлить сексуальная энергия, и он решил не затягивать с выбором партнерши. Вот эта, в серебристом платье, вполне ничего...

Романчук уже попытался взять ее под руку, но в этот момент, откуда-то сзади вынырнул пожилой представительный господин с двумя бокалами шампанского в руках и стал рядом с дамой. По тому как, не глядя на своего спутника, она взяла шампанское, Романчук понял, что дама занята. К тому же лицо этого господина показалось ему знакомым, но, кто это, Романчук вспомнить не мог – алкоголь затруднял мыслительную деятельность.

С сожалением отказавшись от идеи овладеть брюнеткой в серебристом вечернем платье, Виктор Романчук переключил внимание на новый объект, сексуально еще более привлекательный. Смазливая особа в красном вечернем туалете склонилась над столом рулетки, и открывшаяся вокруг ее глубокого декольте картина вызвала у Виктора Романчука бурный прилив чувств.

– Вот это бюст!.. – пробормотал он.

Схватив с подноса пробежавшего официанта еще одну рюмку, он плеснул спиртосодержащую жидкость в разгорающийся внутри костер страсти. Под воздействием такого горячего пламя полыхнуло еще сильнее.

Решительно двинувшись в направлении декольтированной девицы, Романчук опять столкнулся с вертлявым субъектом, который несколько минут назад промчался мимо него, держа в руках поднос с кофейными чашками.

– Че ты все под ногами вертишься? – раздраженно спросил Виктор.

– Извините. Я – главный администратор казино, – виновато произнес тот, показывая на прикрепленный к лацкану пиджака фирменный бэдж с фамилией Мурашко. – Сегодня такой день, понимаете... Открытие. Везде надо поспеть.

– Ладно, вали отсюда и больше мне не попадайся.

Без особых церемоний Романчук оттолкнул администратора и, подойдя к девице, взял ее под локоть.

– Не желает ли дама обрести спутника?

В предвкушении эротических наслаждений он обратил свой осоловелый взор на глубокий вырез красного платья.

Девица неожиданно заартачилась:

– Да пошел ты... Дай поиграть.

Романчук, редко сталкивавшийся с таким откровенным пренебрежением, резко потянул девушку за руку.

– Когда я предлагаю свою дружбу, – угрожающе агрессивно произнес он, – дамы обычно не отказываются.

– Витек! – взвизгнула девица. – Он ко мне пристает!

За ее спиной мгновенно вырос шкафообразный субъект с лицом, о котором в народе говорят: кирпича просит. На нем был совершенно безвкусный светлый костюм в крупную клетку, словно снятый с чужого плеча. Этой горилле гораздо больше был бы к лицу тюремный бушлат.

По-бычьему тяжело сопя, субъект надвинулся на Романчука и сиплым, бесцветным голосом произнес:

– Сними клешни, боров!

– Что?

– Я два раза не повторяю. Девочка не про тебя.

– Да пошел ты на хрен, козел! Девочка эта пойдет со мной.

Белесые брови на квадратном лице гориллы медленно поползли вверх, глаза налились кровью.

– Ты кого козлом назвал, сучара? Да я тебя... – И он замахнулся громадным, как кувалда, кулаком.

Романчук немало принял на грудь за этот вечер, но среагировать успел – он дернул девушку за руку, и вместо него удар от громилы получила она. Закатив глаза, девушка рухнула на пол под крики и визг находившихся рядом дам.

Романчук, с неожиданной для людей его комплекции резвостью, лягнул громилу в пах. Другой на месте этого шкафа после такого удара непременно рухнул бы на колени, а этот еще больше рассвирепел. Схватив обидчика за полы зеленого пиджака, он рывком повалил его на пол, уселся сверху и принялся дубасить громадными кулачищами по раскормленной физиономии. Он успел нанести Романчуку несколько весьма чувствительных ударов прежде, чем подскочившие сотрудники внутренней охраны оттащили громилу в сторону. Все это происходило под громкие песни цыганского ансамбля, звон бубнов и женские крики.

– Клешни, клешни уберите! – орал шкафообразный субъект, которого держали под руки сотрудники охраны. – Он меня козлом обозвал!

Поднимаясь с пола и вытирая кровь с разбитой губы, Романчук прошипел:

– Ну все, козел, тебе хана!.. Ты еще не знаешь, с кем связался.

Бросив злобный взгляд сначала на обидчика, затем на лежащую без чувств девушку, Романчук сплюнул кровью и зашагал к выходу.

К тому времени, когда на месте происшествия оказался начальник службы охраны казино, пострадавший в драке Романчук уже вышел на улицу.

О том, что случилось, Надеждину рассказали охранники и очевидцы, сразу же вернувшиеся после драки к игре и напиткам.

* * *

– Витек, значит, подрался? – выслушав Надеждина, сказал Константин. – Вечно у него руки чешутся.

– Вы какого Витька имеете в виду? – недоуменно спросил Надеждин.

– Что значит «какого»? Витек Амбал, его еще так зовут, а фамилии я не знаю. Раньше с Сашей Порожняком тусовался.

– А второй тоже Витек, – пояснил начальник охраны. – Виктор Романчук, я его знаю.

– Значит, это он был? Сын Романчука, бывшего кинелевского зама?.. А разве мы приглашали его на открытие?

– У Мурашко надо спросить. Он приглашениями занимался.

– Жаль, я не проконтролировал, – покачал головой Панфилов. – Витя Романчук – редкая сволочь. Один раз я с ним имел дело... Да, жаль, Амбал шею ему не свернул.

– Слава богу, что не свернул, – возразил Надеждин. – Зачем нам такие неприятности в первый же день?

– Первый день... – вздохнул Константин. – Что-то я устал, и голова трещит... Романчук, значит, ушел и скандалить не стал? Как-то на него не похоже.

– Мои ребята сказали, что он уже успел основательно набраться.

– Да, это дело он любит, – Панфилов выразительно провел пальцем по подбородку. – На моих глазах, помнится, бутылку виски вылакал. Правда, и случай был подходящий. Я тут у немцев типографию купил, думал – пригодится. Таможня задержала, то, се... А тут еще с казино сроки поджимали. Решил продать.

– Романчуку? – догадался Надеждин.

– Именно. Фирма... нет, у меня сегодня точно голова кругом идет...

– «Продсервис», – подсказал Надеждин.

– Да. Романчук начал цену сбивать, а я не хотел по срокам затягивать, покупателя побогаче искать. В общем, отдал ему хорошую, просто классную типографию за полцены. Пусть этикетки для подсолнечного масла шлепает. Когда ударили по рукам, он бутылку виски из стола вытащил и за пять минут ее оприходовал. Одно радует – я с ним не пил... Там, кстати, оператор с камерой. Он драку снимал?

– Нет, – уверенно сказал Надеждин. – Я его видел возле стола с закусками. Он даже голову на шум не повернул.

– Проголодался, видно, бедолага, – сочувственно сказал Панфилов и улыбнулся. – Загонила его телевизионная дамочка.

Панфилов глянул на наручные часы.

– Слушай, Игорь, я вот что думаю – не слинять ли мне отсюда? Башка раскалывается. Ты как, один справишься?

– Я же не один, – спокойно сказал Надеждин. – Пятеро своих и «Витязь» еще десяток на подмогу выделил.

– Лады. Воюйте тут без меня. А я потиху огородами и к Котовскому.

Глава 8

Темно-синий «Вольво» мчался по едва освещенным улицам Запрудного.

Сидевший за рулем Виктор Романчук матерился в голос, держа руль одной рукой. Другую он то и дело прикладывал к распухшей кровоточащей губе.

– Ну, скотина, я тебе устрою... Просто так тебе это не пройдет, и другие навек запомнят.

Такого оскорбления ему не наносил никто и никогда. Разве что в детстве. Деревенские мальчишки, которые всегда недолюбливали городских, приезжавших отдохнуть на лето, однажды попытались проучить Витьку Романчука. Подстерегли его возле речки, когда тот шел купаться. Сначала дразнили и обзывали Пузаном, потом побили. В драке один на один он одолел бы любого, а они навалились толпой. Побили крепко, но Витька отомстил. Он уехал в город, а потом вернулся с двумя крепкими друзьями. Втроем они вылавливали обидчиков поодиночке, и Витька молотил их до крови.

Но сейчас ему не потребуется помощь друзей, он справится сам. Ему нужно только сгонять в свой недавно построенный загородный дом и прихватить одну вещицу, подарок будущего тестя. И тогда этот урод из казино за все заплатит, по полной программе. И другим nepовадно будет поднимать руку на Виктора Романчука.

Только бы этот козел не сбежал раньше времени. А то ищи его потом! Нет-нет, надо поторопиться, надо отловить его сегодня же и примерно наказать.

Снедаемый мыслью о немедленной мести, Виктор Романчук еще сильнее надавил на педаль акселератора...

* * *

К тому времени, когда Виктор Романчук вернулся на своей машине к «Золотому дукату», толпа постепенно разошлась. Закончилось бесплатное пиво, умолкли звуки веселой, бесшабашной музыки, и лишь отдельные, особо стойкие парочки, тесно обнявшись, гуляли по тротуарам.

Виктор остановил свой «Вольво» метрах в тридцати от входа в казино, за стеклянными дверями которого продолжали развлекаться гости.

«Веселитесь, суки?» – со злобой думал Романчук, почему-то представляя себе ухмыляющуюся рожу своего обидчика.

А эта сучка в красном платье... Сорвать бы с нее шмотки, припереть мордой к стенке и отодрать как следует! Тоже мне, фифа нашлась: ни подойти, ни тронуть. Да таких, как она, Виктор уже перетрахал целый батальон, и ни одна не сопротивлялась. Наоборот, все они были счастливы...

Вспомнив о несбывшихся надеждах, которые он возлагал на этот вечер, Виктор заскрипел зубами. Тут же напомнила о себе разбитая губа.

Романчук скривился, потом машинальным движением сунул руку во внутренний карман пиджака и достал плоскую металлическую фляжку, прихваченную из дома. Свинтив с нее фигурный колпачок, он запрокинул голову и вылил в горло изрядную порцию коньяка. Алкоголь снова взбодрил его, помог справиться с болью. Но гневно kloкотавшая в душе обида не проходила, а, наоборот, разрасталась.

Добавив еще пару весомых глотков, Романчук передернулся: – Ух...

Приложив к носу рукав пиджака, бросил фляжку под ноги.

«Что это за дерьмо я туда залил? – подумал он. – Наверное, тот молдавский, из бочки в подвале. А-а, черт, не помню... Сколько же мне тут еще сидеть? Этот козел небось до самого утра в казино со своей фифой проторчит. Может, сразу ломануться туда, да и дело с концом?»

Все больше распаляясь, Романчук заерзал на сиденье. И тут увидел, как его обидчик, накинув на широкие плечи кожаную куртку, вышел из-за стеклянных дверей казино и остановился на ступеньках «Золотого дуката».

Романчук вначале даже не поверил своим глазам – спяну-то что не померещится, но, хорошенько присмотревшись, понял, что не ошибся.

Витек Амбал стоял на ступеньках, закуривая сигарету. После этого застегнул «молнию» на куртке и, не обращая внимания на стоявший чуть поодаль «Вольво», неторопливо прошагал мимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.